

ТАШ ЭНИКЛИС

ПОЛИЦИЯ
ОПЕРАТИВНЫЙ ОТДЕЛ

НАСЛЕДНИКИ

ЛИХО

18+

Таш Эниклис
Наследники. Лихо

«Автор»

2026

Эниклис Т.

Наследники. Лихо / Т. Эниклис — «Автор», 2026

В Руднограде снова умирают люди. На первый взгляд между смертями нет ничего общего, но чем дальше старший опер Станислав Батьков и следователь Добрыня Горский погружаются в расследование, тем чаще стальная логика разбивается о вещи, которым нет разумного объяснения. Старые шахты под городом скрывают свои тайны, на окраине шепчет черная вода Мертвяка, заброшенная штольня хранит следы давно забытых событий, а где-то в темноте терпеливо ждет нечто древнее, способное принимать человеческое горе за пищу. Чтобы остановить череду смертей, Батькову с Горским придется столкнуться не только с убийцей, но и с прошлым, которое оказалось гораздо ближе, чем они думали. Потому что кровь всегда помнит свою дорогу.

© Эниклис Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
От автора	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Таш Эниклис

Наследники. Лихо

«Кровь своей дороги не забывает. Рано или поздно, а все одно воротится.»

— Старая поговорка Большака из рода Главных Охотников.

Дисклеймер

Предупреждение для читателя

Данное художественное произведение содержит сцены и темы, которые могут быть тяжелы для восприятия некоторой аудиторией, включая:

- употребление алкогольной продукции и табакокурение;
- сцены насилия, жестокости и убийств;
- описания смерти и психологически напряженных ситуаций.

Книга предназначена для зрелой аудитории.

Если перечисленные темы вызывают у вас сильный дискомфорт, тревогу или сильные эмоциональные переживания, рекомендую воздержаться от чтения.

Автор не пропагандирует употребление алкоголя и табакокурение и рекомендует придерживаться здорового образа жизни.

От автора

Не буди Лихо, пока оно тихо.

Нет, серьезно. Я предупредила.

Ну а если уж разбудил — не жалуйся.

Прежде чем вы откроете эту книгу, хочу поблагодарить человека, без которого цикла **«Наследники»** могло бы никогда не появиться. По крайней мере, у меня.

Спасибо **Алану**.

Именно с одной случайной идеи, брошенной однажды в разговоре, началась история, которая в итоге привела меня в Рудноград, в старые шахты Рудного поля, к Мертвяку, штольне №4 и людям, чьи судьбы оказались связаны куда крепче, чем они сами могли представить.

«Наследники. Лихо» — это история о расследовании загадочных смертей, городских легендах и старых тайнах, которые пережили не одно поколение.

Но прежде всего это история о людях. О тех, кто ищет ответы, кто хранит чужие секреты, кто однажды узнает, что прошлое никогда не остается в прошлом, и о том, что кровь действительно помнит свою дорогу.

Надеюсь, вам будет интересно пройти этот путь вместе с героями.

Добро пожаловать в Рудноград.

Таш Эниклис

Пролог

В старом подвале свет лампочки висел в воздухе. Конденсат сочился по бетону медленными каплями ржавчины и соли. Пахло мокрой штукатуркой, разложившейся на известь и пыль, едким озоном, вытекающим из стен, и сладковато-приторным человеческим страхом, вьевшимся в кирпич.

Жук сидел на краю раскладушки. Кости звенели внутри тела. Он не спал уже восемьдесят часов. Может, даже больше. От напряжения и недосыпа уже плохо соображал.

Он прижимал к груди кожаную папку с потрепанными углами, скрепленную шнуром. Внутри хранились обрывки кошмара, карты безумия, которые он отчаянно пытался сложить в схему спасения. Пальцы с длинными фалангами вцепились в переплет так, что ногти побелели.

Жук вовсе не был бомжом. Кашемировый свитер, теперь пропахший плесенью и потом, стоил больше, чем все это убежище. Но сейчас он был лишь мясом, ожидающим разделки. Интеллект, эрудиция, его прошлая жизнь были сброшены, как ненужная шелуха. Остался только животный слух, которым он пытался уловить в тишине за пределами круга света малейший сбой.

И вдруг тишина стала... мертвой. Лампочка резко вздохнула, свет ослабел, будто нечто вытягивало его невидимыми глотками. Из угла, где тень была чернее всего, по стене темной паутиной пополз иней, растекаясь со скоростью медленного яда, кристаллизуя сырость и оставляя за собой мокрые, грязные полосы, словно кровотока сажей.

А потом послышался тонюсенький звон, вибрируя в костях, в зубах, в задней части черепа Жука. И вслед за ним пришел низкий, булькающий скрежет, как точильный камень, ворочающийся в мокрых внутренностях земли. Потянуло гниющим мясом, кровью и... горьким миндалем.

Он обмер, принохиваясь, и заметил, как тень в углу пошевелилась. Она проступила в свете сгущающимся пятном тьмы, вытянулась и постепенно обрела форму. Чудовищную и... нечеловеческую, неестественно худую. Контуры существа мелко дрожали, создавая подобие миража.

Жук, даже не дыша от страха, пристально всматривался в него. Взгляд упал на длинные, как жерди, конечности. Затем на голову, вместо которой была впадина, куда падал тусклый свет и уже не возвращался.

Но внимание все равно приковали руки, тонкие как линии, абсолютно прямые, длинные и сужающиеся к концам в безупречно острые точки. Они казались черными щелями, прорезавшими саму ткань реальности.

Внутренние края этих... лезвий усеяли мелкие, почти невидимые зазубрины, которые на миг вспыхивали бледно-багровым отсветом, когда существо неожиданно повернулось.

Жук хотел закричать, но из горла вырвался тихий стон от страха, что это конец. Он резко вскочил. Одеревеневшее тело двинулось, пошатываясь, точно пьяное. Он швырнул в тварь свою папку. Она перевернулась в воздухе, шнур лопнул, и бумаги, испещренные безумными чертежами и дрожащим почерком, взметнулись веером, как стая испуганных белых птиц.

Существо даже не дрогнуло. Лишь лезвия пришли в движение.

Первое вонзилось сбоку со звуком, от которого сжались внутренности: глухой, сочный хруст, смешанный с сухим треском бетона. Острие пропоролу Жуку правое плечо, прошло сквозь кость и с силой вбило тело в стену. Он повис, как марионетка, болтая в воздухе ногами.

Боль была настолько сильной, что на миг превратилась в оглушающую тишину в голове. Он видел свое отражение в черной поверхности лезвия, торчащего из его тела, но не узнавал искаженное, широко раскрывшее рот, лицо незнакомца.

Второе описало короткую дугу и тоже нанесло удар. Снизу вверх, по диагонали, от правой стороны паха до левой ключицы, вспарывая живот. Жук почувствовал, как тело открывается, выпуская внутренности наружу, как холодный воздух подвала хлынул в окровавленную полость к теплым, пульсирующим органам. Он наклонил голову и увидел пар, поднявшийся из разверзнутой плоти.

И в эту секунду последовал еще один удар. Быстрый, как отдача хлыста. На уровне горла. Тонкий звон, разрезающий плоть, хрящ, позвонки. Голова Жука откинулась назад, удерживаемая лишь полоской кожи и мышц, и замерла, в изумлении глядя на свое тело мутными, быстро стекленеющими глазами.

И снова удар. Лезвие вошло в грудную клетку с тихим, влажным хрустом, в область сердца, которое уже почти не билось. И провернулось, вынимая из грудины что-то темно-багровое, обернутое в блестящие пленки и пульсирующее последними аритмичными толчками. Сердце. Оно с глухим шлепком упало на бетонный пол в лужу крови. А безжизненное тело сползло по стене и упало на пол подвала.

Семь секунд. От первого вонзания до последнего. Ни капли ярости. Только безупречная, чудовищная четкость исполненного долга. Существо замерло, любясь своей работой.

Но в этот миг случился сбой. Черные линии лезвий задрожали. Контуры их поплыли и исказились. На один миг вместо страшных орудий проявились человеческие руки. Бледные, почти прозрачные, с длинными пальцами, сведенными судорогой. И из глубины твари вырвался короткий, пронзительный, полный недоумения и первобытного ужаса всхлип. Звук пробуждения в самом сердце кошмара.

Тень тотчас стянулась в точку, поглотив саму себя, и исчезла в той же щели в реальности, из которой явилась. Лампочка вспыхнула ярко, зеленый свет стал почти ядовитым. Иней на стенах растаял, оставив грязные, слизистые подтеки.

Тишина, уже насыщенная запахом крови, разорванных внутренностей и горьковато-орехового миндаля, снова окутала помещение.

Камера вдруг ожила и медленно скользнула по подвалу. Остановилась на фигуре, лежащей у стены, раскрытой, как медицинский атлас, и на разбросанных бумагах, на одну из которых попала капля густой, черной жидкости. Рядом с телом, в алой луже, вместо сердца лежал маленький, дешевый пластиковый цветочек от заколки — ярко-розовая ромашка с желтой серединкой. Его там быть не должно. Совсем.

Глава 1

Станислав снова падал в сон, как в холодный колодец всем телом сразу. Одно мгновение — тяжелая подушка, предрассветная синева за шторой, собственное тяжелое дыхание. И следующее — влажный удар подошв по холодной земле. А там его уже ждал лес, чащоба из тьмы и времени.

Стволы, втрое толще человеческих туловищ, стояли мощной грядой. Воздух казался вязкой похлебкой из запахов: сырой мох, перегной веков, медная прожилка крови где-то близко, и едкий дым. Небо было хмурым, и сквозь черно-синюю пустоту сочилось багровое свечение, точно мир загорался изнутри.

Он замахнулся и вонзился топором в самую тьму, которая клубилась и дрожала. С глухим чавкающим звуком он рубил дышащую грязь, из раны которой выплеснулась чернота. Холод поднялся по топористицу, впился в ладони и побежал вверх по рукам.

Он не мог прекратить это все и бросить топор, потому что чувствовал себя заточенным в чужом теле всякий раз, когда пытался сделать что-то по-своему.

Тело казалось тяжелее, шире в кости, с мощными, бугристыми мускулами, прилипшими к скелету. От него исходил запах пота, дымного дегтя и меди, что сочится из-под ногтей после разделки туши. В руках, сведенных судорогой, он крепко сжимал топор, деревянную рукоять которого обмотала сыромятная кожа, втеснившаяся в ладонь мозолью. Широкое, зазубренное от многолетней работы лезвие слегка поблескивало. Кости звенели гнетущей музыкой. Мышцы тянулись, как старые канаты, полные яростной, немой силы.

В голове заскрежетал зловеющий шепот: «Ты думаешь, что сможешь убить? Я многолик... и обязательно вернусь! А твой род мельчает. Кровь редеет. Дар будет вытекать по капле из каждого нового потомка. Придет день, и родится последний. И тогда я найду его и... сожру последние крупницы вашего дара. А ты будешь гнить под камнем и... смотреть, как дохнет охотничье отродье».

Стас обомлел, но уже стоял на краю капища, в круге, вытоптанном в черноземе до состояния замерзшей грязи. В центре, на груди почерневших камней, горело странное пламя — синевато-белый комок дрожащего холода, от которого струился знакомый до тошноты булькающий скрежет. Он висел в воздухе, проникал в зубы, в череп и втискивался в уши влажной пробкой.

А вокруг пламени метались тени. Люди. Лица были стерты кошмаром, но он чувствовал их животный страх. Они кричали, но звук доносился рваными клочьями.

— Держи черту! Не дай им... Дух святой, сколько их!

— У-у, Злыдень! Чтоб тебя...

— Братцы! Свет гаснет! Святой свет...

— Матерь, помилуй...

А потом в сознании сквозь гул и вой прорезался женский голос. Он не знал этого горланного языка, но улавливал интонации молитвы, выдыхаемой через стиснутые зубы, точно приказ, безжалостно отдаваемый себе самой. И вместе с голосом — запах. Едкий, пепельный и... ментоловый. Запах казенки, ночных бдений и несгибаемой, стальной воли. Запах, которого здесь, в этой дремучей древности, никак не могло быть.

Неожиданно одна из сущностей, что была в центре, шевельнулась и начала расплываться. Тень, пульсирующая, как черное сердце, оторвавшееся от тела, потекла по земле, но не к людям. Она жаждала света. Холодное пламя на камнях захрипело и сжалось, будто существо высасывало из него жизнь. Сквозь бульканье проступило жадное чмоканье.

Тело, в котором он был заточен, пришло в движение само и пошло вперед широкими, увертливыми шагами пахаря по вспаханной борозде. Он чувствовал, как холодная грязь заби-

вალაсть в поры кожи босых ног, как каждый мускул отвечал на древнюю, вписанную в плоть команду.

Тень, почуяв приближение, выбросила отросток — пробойну в реальности, тянущуюся к нему. Холод, исходящий от нее, обжег так, что выбил дыхание из легких. Стас взревел от бездонного гнева. Топор взмыл в багровое небо и резко опустился с такой яростью, что на миг оглушило. Лезвие вошло в существо с глухим хрустом. Но тотчас дикая боль вспыхнула в плече от прикосновения древнего и разумного холода, который хлынул по древку, обжег ладони и впился в суставы, пытаясь добраться до того, кто прятался внутри этого воина.

Стас с силой вырвал топор из тени, отсекая кусок, упавший на землю и забившийся, как отрубленный хвост змеи, испуская тихий, тонкий визг. Суицидность содрогнулась. Бульканье перешло в яростный, захлебывающийся вой. Она сжалась, приготовившись к новому броску. Но он, не давая ей опомниться, занес топор снова. В последнее мгновение, в синей дрожи отражения на поблескивающей стали лезвия, он увидел... свое лицо, только бородатое, как у витязя, и залитое боевой яростью. Бледное, как полотно, с каплями пота, стекающими по вискам. Мокрые темные волосы прилипли ко лбу. Серые, выцветшие глаза, в которых читался первобытный ужас.

И в это мгновение женский голос крикнул последнее слово, прозвучавшее на его языке, пробившись сквозь века и слои небытия, прямо в мозг: «Проснись!»

Станислав рванулся вверх, ударившись затылком о спинку кровати. Грудь ходила ходуном. Горло сжалось. Одеревеневшие ладони все еще чувствовали ледящий холод рукояти и упругое сопротивление той... твари.

Где-то на другом конце города, в комнате, где все время пахло лекарствами, мальчик застыл, сидя в постели. Он чувствовал во рту панический страх. Чужой.

Он только что видел, как мужчина в скрипящем новом костюме стоял на коленях в огромной старой ванне в глубокой луже холодной мутной воды, которая пахла какой-то горькой сухой травой и ржавым железом. Она поднималась по нему, обволакивая тело, проникая в горло тонкими струйками и заполняя нос. Мужчина даже не пытался сопротивляться и выглядел куклой на ниточках. Его тело держали... взглядом.

В углу, за спиной умирающего, стояла Тень. Очень высокая и костлявая. Вместо лица — одна впадина, в которой тлел тусклый свет. Она не двигалась и пристально смотрела на свою жертву.

Мальчик видел, как тело мужчины деревенело еще до того, как перестало дышать. Как кто-то в черном шелковом балахоне укладывал его лицом вниз, погружая в мутную жидкость и прижимая руки к бедрам. Как мерзкая густая молочная влага высыхала мгновенно, полностью испаряясь.

И вдруг — рывок. Тело, укрытое грубой плотной тканью, куда-то тащили по бетону, по грязи. А потом аккуратно уложили в лужу в каком-то дворе. На улице накрапывал мелкий дождь.

Мальчик открыл рот, чтобы закричать, но из горла вырвался лишь тихий, детский всхлип. Он упал лицом в подушку, чувствуя на губах терпкий привкус травы и соли. Видение повторилось. Снова. В сотый раз.

Стас осмотрелся по сторонам. Его комната. Серый предрассветный свет лизал контуры комода, стула, груды книг. Его безупречный порядок. Безопасность. Он сел на кровати, прижал

ладони к лицу и глубоко дышал, заставляя легкие работать ритмично: вдох на четыре счета, задержка, выдох на шесть. Нужна привычная система. Контроль. Но сквозь запах собственного пота, пыли и старого дерева, тонкой, едва уловимой струйкой, вился другой... едкий, пепельный... невыводимый... запах сигарет с ментолом.

«Приснится же... — раздраженно подумал Батьков. — Что это за хрень? Опять! И этот странный привкус...»

Он мельком взглянул на часы. Три восемнадцать.

«Ладно. Еще рано... Надо успокоиться».

И снова лег, пытаясь уснуть, но ничего не получалось. Станислав заставил себя считать, прикрыв глаза. Однако, вместо привычного ощущения упорядоченности, его вновь и вновь одолевали видения из кошмарного сна. Он как мантру повторял счет до десяти, чередуя глубокие вдохи с шумными выдохами, но проделав несколько циклов, ничего, кроме замедленного дыхания не происходило. Сон не шел. Это был сбой его безупречной системы, который не должен повторяться, но тем не менее...

Он разомкнул веки и уставился в потолок. Лежал так какое-то время, а потом закрыл глаза и все-таки провалился в тревожную полудрему.

«Пять тридцать утра». Цифры отозвались в темноте сознания раньше, чем зажглись в синеве циферблата на прикроватной тумбе. Время просыпаться пришло за минуту до будильника, как команда «Подъем!» в казарме, которая всегда с ним.

Станислав Батьков открыл глаза. Он не выспался, но это не имело значения. Служба есть служба. Он резко откинул одеяло, перевалился к краю, поставил босые ноги на пол и замер, зевая.

Пол. Прохладная, почти ледяная линолеумная плоскость под сводом стопы. Его фундамент. Первый и главный якорь. Он наклонился и прижал ладонь к нему всей пятерней, чувствуя царапины и бугорки старого клея.

С этого начиналось все. Каждое утро. Любое отклонение от ритуала было трещиной в плотине его внутреннего порядка. Он тряхнул головой, отгоняя мысли о ночном сне, и встал.

В центре комнаты принял упор лежа. Ладони точно на ширине плеч. Позвоночник — струна. Взгляд уперся в точку на полу, где прилипла мертвая мушка. Отжимания. Раз. Вдох в движении вниз. Мышцы груди натянулись, как канаты. Мозг откидывал мусор. Ночные образы — шлак. Холод тени, звук топора, вой — все это бред. Два. Выдох на подъеме. Три. Вдох. Четыре. Выдох.

Каждое движение удаляло кусок ночного хаоса. Пятьдесят. Семьдесят. Девяносто. Дыхание стало глубже, ровнее. Мысли превратились в белый шум. В этом была его нирвана. В режиме и самодисциплине.

«Отец бы сейчас гордился, — хмыкнул про себя Станислав. — Сколько раз он лещей отвешивал, когда я отлынивал...»

Сотый рывок. Задержка в верхней точке. Тело дрогнуло от напряжения, и на миг снова прорвался отзвук той чужой, яростной силы из сна. Он резко опустил, оттолкнулся и встал.

«Надо собраться. Душ».

Вода текла то прохладная, то горячая. Контрастный душ — еще один неотъемлемый ритуал. Плотный брусок мыла без отдушки. Он намыливал тело, как протирают служебное оружие: методично, без пропусков. Каждый сантиметр кожи подвергался процедуре очищения. Пена смывала пот, соль и остаточные впечатления. Он стоял под мощной струей, и вода, стекая, уносила с собой последние крошки ощущений того леса.

Дальше следовала чистка зубов. Зеркало над раковиной — немой свидетель его постоянного. Он водил щеткой с почти невротической тщательностью, исследовал ротовую полость, как место преступления, выискивая следы — привкус страха, оскомину от того ледящего крика. И с облегчением заключал — ничего. Только свежесть мяты. Отрава выведена. Его идеальная система очищена.

Оглядев в зеркале едва-заметную щетину, он заключил, что сегодня можно не бриться. Завтра. Вышел из ванной комнаты, подошел к шкафу и придирчиво заглянул внутрь. На вешалке висел парадный китель МВД — темно-синяя шерстяная ткань, отутюженная до состояния брони. Каждый шов, каждый кант лежал идеально. Его непробиваемый щит.

С удовлетворением вздохнув, он потянулся к другой вешалке, где ждала повседневная форма. Ткань послушно осела в руках, отдавая легким холодом, запахом нафталина и служебной серьезности.

Он мог носить и гражданское, но всегда надевал форму как доспехи, соблюдая незыблемый церемониал. Даже в этом Батьков не давал хаосу просочиться в свою жизнь. Каждый предмет был щитом, скрывающим тело от мира, а мир — от него самого.

Сначала — брюки. Плотная ткань, ровная стрелка, идущая от бедра к голенищу. Потом — голубая рубашка. Он застегнул манжеты, неизменно проверил — между запястьем и тканью должен проходить ровно один палец, не больше. Затем темно-синий галстук. Узел полный «Виндзор», туго затянутый и давящий на горло ровно настолько, чтобы напоминать: речь — только по делу.

Он с сожалением взглянул на парадный китель, висящий в шкафу и меняющий его мир одним своим прикосновением. Плечи Стаса тотчас становились шире, грудь — плоскостью для знаков отличия и служения, а фурнитура — холодный, «золотистый» металл — щелкала с тихим, властным звуком.

Когда об облачался в служебную форму, в зеркале мгновенно исчезал обычный человек, растворяясь в строгом силуэте и символах системы. Оставался лишь взгляд — серый, пристальный, сканирующий самого себя на предмет соответствия уставу.

Батьков повернулся, оглядев комнату. Мельком взглянул на часы. На завтрак оставалось ровно шестьдесят минут. Все по его внутреннему распорядку.

Маленькая, но уютная кухня. На плите уже стояла кастрюлька с овсянкой, замоченной с вечера. Без соли и сахара. Он включил огонь, помешал, а потом переложил кашу в глубокую тарелку и добавил немного сливок. Сидел с прямой спиной. Ложка с овсянкой двигалась от тарелки ко рту не торопясь, не смакуя. Каждая порция тщательно пережевывалась до состояния безвкусной пасты. Пища не должна приносить удовольствие. Это лишь поставщик энергии.

Следующим было яблоко. По кухне летел хруст, когда он вгрызлся в сочный фрукт и ощущал во рту кисло-сладкий сок. Стас ловил себя на том, что анализирует текстуру как вещдок. Кожица — целая. Мякоть — без потемнений. Признаков внешнего воздействия нет.

И, наконец, кофе. Он подошел к старой эмалированной турке. Молотые зерна, щепотка соли, вода. Медленный нагрев. Это был единственный момент, больше похожий на шаманский обряд, нежели на процедуру. Но и тут незыблемый закон: кофе только после еды. Нарушить последовательность — все равно что начать допрос с обвинения, не собрав улики. А это породит неразбериху и бардак. Но Батьков никогда больше не пустит их в свою жизнь.

Властный аромат крепкого кофе заполнил кухню. Он налил напиток в кружку. Первый глоток — обжигающий и горький. Он закрыл глаза, позволив вкусу стать единственным фактом мироздания. Пил небольшими глотками, отставляя мизинец, чтобы не забрызгать манжеты. В мысли снова прорвались обрывки ночного кошмара, но Батьков равнодушно уничтожил их.

«Сны — это мусор. Нейроны разряжаются случайными образами. Связь с ментоловым запахом — классическая условно-рефлекторная петля...»

Стас разносил в ключья, появляющиеся воспоминания, и внезапно понял.

«Ну, конечно! Сале-ем... — на губах проступила довольная гримаса. — Полковник Волкова. Работа. Стресс. Уставший мозг подкидывает бессмысленный хлам».

Он поставил пустую кружку в раковину к остальной посуде. Ополоснул турку и сварил еще кофе. Наполнил им термос и вернулся к раковине. Вымыл, вытер насухо и разложил посуду по своим местам. Кухня всегда была идеально чистой. Потом подошел к окну и отодвинул занавеску. На дворе серел унылый рассвет, застилаемый морозящим дождем. Мир за стеклом был хаотичен, грязен и непредсказуем. Но здесь неизменно царил порядок. Его порядок.

Вдруг взгляд зацепился за парочку, идущую под одним зонтом. Девушка смеялась, запрокинув голову, а парень пытался ее обнять. Станислав отвернулся. Все это глупость. Временное помутнение рассудка, за которым следует либо пресыщение, либо боль. Отец был прав: любые чувства — это сбой в системе. Он уже допустил это однажды. Идиот! Провел эксперимент, называется. Результат оказался отрицательным, зато гипотеза теперь доказана: доверие — это уязвимость. Любовь — стратегическая ошибка, открывающая фланг для удара.

Неожиданно тишину нарушил телефонный звонок. Резкий, дребезжащий, безжалостный звук старого дискового аппарата «Ростелеком» цвета слоновой кости. Телефон был его реликтом, привинченным к стене на том самом месте, где висел еще при Михаиле Николаевиче, его отце. Батьков не снял его, даже не отключил.

Стационарный телефон — это линия. Прямая, физическая, не зависящая от заряда батареи или капризов сети. Провод, уходящий в стену, был корнем, связывающим его крепость с нервной системой города. С системой.

Он дал прозвонить трижды, потому что знал, кто на том конце провода может быть. Только Воевода, полковник Волкова. Она всегда сначала набирала на стационарный и лишь потом на мобильный, если его не оказывалось дома.

Станислав сделал несколько мерных шагов, поднял тяжелую, потертую от времени трубку, и поднес к уху. Молчание на том конце было напряженным. Он слышал в нем далекий гул, возможно, вентиляции, и редкие, глубокие затяжки, а потом — голос, который не представлялся. В этом не было нужды.

— Батьков...

Варвара Николаевна Волкова сделала затяжку. Ее голос был хриплым, исцарапанным годами, дымом любимых ментоловых Салем, чифиром и приказами, отданными сквозь стиснутые зубы. И сразу без предисловий:

— Утопленник. Улица Нижне-Портовая, четырнадцать. Двор. Выезжай.

Он мысленно зафиксировал данные. Улица — промзона, старый порт, заброшенные склады. «Утопленник» — грязный, неприятный ярлык.

Голос Воеводы презрительно добавил:

— Добрыню подберешь у Крылатского. Он опять в своем паскудном состоянии.

Батьков сжал челюсти на миг дольше, чем нужно. Опять похмелье, взъерошенные волосы, дорогой парфюм, не перебивающий запах перегара, и поток ни к чему не обязывающего, легкомысленного трепа. Добрыня. Следователь Следственного Управления, прикомандированный к ним в отдел по расследованию особо важных преступлений. Не сотрудник, не мент, а стихийное бедствие в виде человека. Живое нарушение всех его внутренних уставов, порядка, контроля... системы.

Стас вздохнул, раздраженно закатил глаза и выдал ровно тот отклик, который требовался и был частью их общего, отточенного годами протокола.

— Есть.

Подтверждение получения приказа и готовности к его исполнению. Эхо ее собственного стального стиля. В трубке прозвучал еще один резкий, сухой звук — затяжка и шелчок языка.

— Жду, — бросила Волкова и оборвала звонок.

Он медленно вернул телефонную трубку на рычаг и повернулся, встав лицом к узкому зеркалу в прихожей. Если полковник отправляет Горского с ним, значит, руководить, по сути, придется ему.

Он потянулся за форменной курткой и аккуратно надел ее. Молния всегда была застегнута до самого верха, воротник поднят и выровнен по линии подбородка. Ни единой складки на рукавах. Даже в тепле ранней осени он не расстегнул молнию и на пару сантиметров — ее трогать нельзя: это нарушало целостность оболочки.

И вот теперь — главное. Погоны. Они лежали на комод, два темно-синих прямоугольника с алой окантовкой и золотыми звездами посередине, по одной на каждом. Майор. Он взял их, ощутил в пальцах вес полномочий и пристегнул на плечи куртки. Поправил, чтобы нижний край точно совпадал со швом рукава. В отражении уже смотрел майор Батьков. Идеально отутюженный, безупречно подогнанный пустой сосуд для воли системы.

Но где-то глубоко за стеклом служебной непроницаемости, шевелилась тень раздражения. Не на Волкову. Она — закон, а он безмерно его уважал. На утопленника, который сейчас ворвется в его выстроенный день, как любой труп, коих у него множество, и к ним только что добавилось еще одно дело, требующее расследования. И на хаос по имени Добрыня, которого теперь придется встраивать в систему. А он терпеть не мог похмелье лейтенанта. Любое похмелье.

Станислав наклонился, взял со столика кожаный блокнот и серебряную ручку, проверил удостоверение во внутреннем кармане куртки, поправил правый погон, сунул под мышку термос с кофе и щелкнул выключателем. Свет погас, и прихожая погрузилась в полумрак, где только бледно светился циферблат часов. Открыл дверь и вышел. Ключ повернулся в замке дважды. Ритуал соблюден. Теперь — в бой.

Глава 2

Служебная гранта стояла у подъезда — серая, с треснувшим бампером и пылью на капоте. Но внутри Стас превратил ее в продолжение своего кабинета: салон вычищен до блеска, коврики идеально ровные, на торпедо — ни пылинки. Даже руль он вытирал перед каждым выездом. Машина была дрянью. Но его дрянью. И в этом вся разница.

Он завел ладу в мокрый двор дома на Крылатском, двадцать четыре, где жил Добрыня. Типичный городской двор-колодец: обшарпанный ампир, ржавые балконы, запах сырой штукатурки и кошачьей мочи.

Батьков заглушил двигатель. Стрелка тахометра упала. Он не выключил дворники, которые продолжали монотонно метаться по стеклу, стирая мир в мутное пятно и вновь проявляя его. Раз-два. Раз-два. Ритм. Контроль. Он смотрел на подъезд, отсчитывая время. Если следователь заставит ждать больше трех минут, это будет уже атакой на саму структуру утра майора.

Но не раздражение заставило его руки на миг сжаться на руле, а костяшки побелеть. Внезапно в памяти Стаса всплыла дверь. Резкий стук дворницкой метлы по железному порогу где-то в глубине двора отозвался в ушах металлическим, отрывистым щелчком... отстегиваемой портупей.

Широкий, цвета запекшейся крови дубленый ремень с массивной бляхой. Отцовская портупея. Она всегда висела на вешалке рядом с фуражкой отца в прихожей их хрущевки, что располагалась на Фонтанке. И щелчок, когда тот снимал ее с крючка, был первым аккордом симфонии воспитания.

Отец. Михаил Николаевич Батьков. Высокий и мощный полковник МВД, чьи плечи, казалось, несли вес всех нераскрытых дел, всех предательств, всей грязи мира, которую он ежедневно счищал.

Перед глазами снова предстал тот вечер. Стасу было девять. Он получил четверку по математике, но не за ошибку в решении, а за грязь в тетради. Клякса. Отец увидел дневник, лежащий на столе. Молча положил газету «Правда», которую читал, поднялся и пошел в прихожую. Раздался щелчок, а у мальчика похолодело внутри.

— Станислав! Сюда.

Маленький Стас стоял посреди зала, на паркете, который пах воском и строгостью. Отец вошел, держа портупею как инструмент благовидной неизбежности. На лице не было злобы.

— Показать тетрадь.

Тот дрожащими руками протянул требуемое. Отец развернул ее и нашел ту самую страницу. Клякса. Синяя, расплывшаяся, уродливая.

— Это что?

— Чернила... пролились. Ручка потекла.

— Не «пролились» и не «потекла». Это небрежность. Хаос. Мир полон этого дерьма, Станислав. Человек — единственное существо, которое может ему противостоять. Порядком. Чистотой. Четкостью. Ты впустил хаос в свою работу. Дал ему место. Это не ошибка. Это слабость. А у Батьковых — слабости места нет.

Михаил Николаевич говорил тогда с рекрутом, с будущим бойцом на невидимой войне, о которой знал только он.

— Руки. На стол.

Наказание за проявление слабости было неотъемлемой процедурой исправления системной ошибки. Стас, сердце которого отчаянно колотилось, положил ладони на прохладную столешницу. Он не плакал. Плач строго запрещен, как еще один признак безволия. Это было частью правил, которых он еще толком не знал, но уже чувствовал кожей.

Удар португези по пальцам. Короткий, сухой хлопок толстой кожи ремня по тыльной стороне детских ладоней. Боль была острой, жгучей, но не унижительной, а обучающей. Отец никогда не повышал голоса. Он объяснял. Каждый удар — постулат, аксиома необходимого порядка.

Хлопок, и мальчик, чуть съезжившись, закусил губы, чтобы не расплакаться.

— Неразбериха в мыслях приводит к бардаку на бумаге.

Еще шлепок.

— Беспорядок на бумаге — это пренебрежение долгом.

И снова щелчок.

— Долг — это все, что отделяет нас от скота.

И последний, самый сильный удар.

— Боль — это напоминание. Это самый честный язык.

Стас смотрел на свои покрасневшие ладони, и сквозь туман боли и стыда ловил усталый взгляд. Михаил Николаевич смотрел очень внимательно, словно ждал чего-то важного. Не оправдания или раскаяния, чего-то другого. Словно наказывал не мальчика, а... себя.

Сейчас, повзрослев, Стас понимал, что тот ждал — узнает ли он за болью отцовскую заботу? Почему-то после наказаний отец всегда выглядел не победителем, а более поникшим, чем он сам. И мальчику становилось жалко не только себя.

Полковник медленно выдохнул и отвел глаза.

После, когда ладони горели как два раскаленных угля, Михаил Николаевич убрал португезию, аккуратно повесив на крючок. Несколько секунд простоял к ней спиной, опустив голову, не решаясь смотреть на сына, потом взял с кухни кусок льда из морозилки и завернул в чистую тряпицу.

— Держи.

Стас прижал лед к воспаленной коже. Облегчение было мгновенным и почти благодатным. Полковник сел напротив и достал зеленые Салем. Обычно он курил жадно, но всегда после наказаний долго вертел сигарету в пальцах, прежде чем поднести к губам. Ментоловый дым стелился между ними.

— Обидно?

Мальчик мотнул головой. Он не врал. Вместо обиды было странное, горькое понимание справедливости наказания.

— Нет.

Михаил Николаевич кивнул, но почему-то не выглядел довольным ответом. Наоборот, будто надеялся услышать что-то другое. Или хотел сказать что-то еще.

— Правильно, — наконец сказал он тихо. — Обида — для слабых. Для тех, кто ищет, на кого переложить вину за свою грязь, ошибки и неверные решения. А Батьковы никогда не отказываются от правосудия. Ты теперь знаешь цену кляксы. Цену хаоса. Запомни ее. В мире есть вещи страшнее ремня, сынок. Гораздо страшнее. И когда они придут, ты должен быть готовым. Твердым, чистым, непреступным. Понял?

— Понял.

Михаил Николаевич тяжело вздохнул, потушил окурок и встал. Потом положил большую, тяжелую руку на голову сыну и держал чуть дольше обычного.

— Молодец. Иди делай уроки. Аккуратно. И всегда помни о порядке.

И отец ушел в свою комнату, пахнущую табаком, перегаром и... одиночеством.

Голос отца смешивался в памяти с другим. Женским, сдавленным от слез: «Стас, я не могу... Я устала стучать в эту дверь. Ты не дома, не со мной. Ты в своей казарме. А я... я не хочу быть твоим солдатом».

Это было через год после смерти Михаила Николаевича. Он тогда подумал, что она просто слабая. Не выдержала его испытания. Как и все. И теперь понимал: отец был прав. Язык

боли — единственный, на котором он умел говорить. И майор отгонял подальше всех, кто пытался подойти близко. Неверие в брак и любовь было тактическим выводом, подтвержденным полевыми испытаниями: эмоциональная привязанность — это разведданные, которые рано или поздно лягут на стол врагу.

Резкий и нетерпеливый гудок его рабочей лады вырвал майора из прошлого. Он понял, что лег на руль, и взглянул на подъезд. Из него как раз вываливался Добрыня, улыбаясь своему отражению в луже. Батьков сжал и разжал ладони на руле. На тыльной стороне правой на миг вспыхнул отголосок призрачного, давно забытого жжения. Но он, уже давно повзрослевший, не чувствовал и толики обиды. Только благодарность. Отец, позже спившийся, сломленный предательством любимой женщины и умерший в психбольнице от вирусной пневмонии шестнадцать лет назад, дал ему главное: иммунитет к жалости к себе, к хаосу, к надежде на снисхождение. Он обучил его языку боли как родному.

И теперь, глядя на приближающегося лейтенанта — это воплощение легкости, небрежности, всего того, против чего всегда боролся полковник, — Батьков чувствовал не просто раздражение, а глубокое презрение. Отец готовил его к войне выживания. А этот, с его «состоянием», даже не знал, что война уже идет. И что на ней выживают только те, кто научился хлебать дерьмо, не морщась. И благодарить за науку.

В это время в Соцарено, в пятиэтажке, пахнувшей котлетами, сыростью и тихим отчаянием, женщина по имени Инна Владимировна Лебедева, главный бухгалтер ООО «Вектор», уткнулась лицом в подушку.

Она не плакала. Рыдают, когда есть надежда, что кто-то услышит. Она лишь всхлипывала короткими, сухими спазмами, выжимавшими из легких последний воздух. Ее жизнь сейчас осыпалась мелкой пылью. Ошибка в отчете. Не ее, но списали, конечно, на нее.

Грозный голос начальника в трубке: «Инна Владимировна, это недопустимо. Нам придется подумать о вашем соответствии».

Алеша. Сын пятнадцати лет, бросивший ее и ушедший жить к отцу. Три дня молчания. В телефоне осталось последнее сообщение от него, когда Инна умоляла дать ей шанс. Что она будет меньше работать и раньше возвращаться домой. Что будет давать больше денег. Но он написал в ответ лишь: «Отстань. У тебя никогда на меня нет времени. И всегда не хватает денег! А у папы есть!» И тишина.

Она не заметила, как в углу комнаты, где стоял фикус, давно сбросивший листья без полива, воздух начал мутнеть и становиться вязким. Он струился от пола к потолку, закручивая в себя пылинки. В молочной глубине что-то шевельнулось. Тень. Она проступила сквозь ткань горя, пропитавшего комнату женщины.

Страшное существо было высоким, вытянутым. Конечности неестественно вывернуты и изгибались в местах, где это просто невозможно, под углами, рождающими в глазах рябь и легкую тошноту. Тень из... несчастья.

Где должно быть лицо, зияла пустота. Глубокая, крутящаяся воронка, уходящая в никуда, из глубины которой сочился слабый свет. Темно-зеленое сияние, которое поглощало в себя, выедало взгляд и затягивало внимание. Воздух в комнате наполнился запахом горькой полыни и тонкой, цепкой нотой разложения.

Существо не двигалось и одновременно колыхалось, как водоросль в стоячей воде. Потом одна из рук, длинная, со слишком костлявыми фалангами, медленно протянулась к комоду. К фотографии в пластиковой рамке. На ней был корпоратив. Инна в центре в красном платье. Она тогда смеялась, запрокинув голову. Счастливая.

Палец чудовища коснулся стекла с коротким чавканьем. В месте прикосновения фотография почернела и свернулась внутрь себя. Стекло рамки покрылось паутиной трещин, но не разбилось, а замерзло и побелело от инея.

Тень повернула голову к кровати. К Инне, которая, все еще всхлипывая, вдруг почувствовала такое уныние, осевшее ледяным грузом на груди, словно огромная, невидимая жаба. Существо втягивало в свою пустоту и пробовало на вкус страх женщины, ее безысходность, ее трагедию на работе. И находило их... достаточными, подходящими. Удобрением.

Ритуал не требовал слов. Ему нужно лишь внимание. И оно уже висело на Инне незримой нитью, протянутой от ее солнечного сплетения к глубине воронки. Первая петля будущего. Завтра приснится, что она падает со стула в своем кабинете. И проснется с вывихнутым запястьем. Послезавтра замок на двери заклинит, и она опоздает на важную встречу. И вот тогда она будет готова к главному. Слишком уж близко Инна подобралась, пытаясь разобраться в цифрах, к тому, что ей знать нельзя.

Существо, закончив, медленно растворилось. Но присутствие его осталось и ощущалось, как вмятины на подушке после тяжелой головы. В комнате все прямые линии — край ковра, косяк двери, плинтус — теперь казались немного кривыми.

А Инна Владимировна, не зная почему, вдруг перестала плакать. Она легла на спину и уставилась в потолок. В глазах, еще влажных, появилось смирение и готовность. Она уже приняла неизбежность, не осознавая, что в этот момент наступало начало ее конца.

Следователь СУ, лейтенант Добрыня Никитич Горский, выглядел... безупречно, как всегда. Это бесило больше всего. Идеальный вид в своей разрушительной для Батькова эстетике. Слегка помятый, как будто только что встал с чьей-то бархатной перины. Белокурые волосы, чуть влажные от душа, небрежно отброшены назад так, что, казалось, вот-вот он попадет на обложку журнала. На нем идеально сидела ветровка цвета старого виски. Тонкая, но явно дорогая, на молнии, расстегнутой ровно настолько, чтобы показать темную футболку из хорошего хлопка. Джинсы, сидящие как влитые. Белые кроссовки, точно только что из коробки, хотя на дворе была осенняя слякоть.

Стас стиснул зубы. Горский опять наплевал на устав, одевшись по гражданке. Он шел легко и пружинисто. Широкая, искренняя улыбка неизменно украшала смазливое лицо. Его фирменная, от которой весь без исключения женский пол поплыл, как только тот появился у них в отделе. Даже Волкова прощала ему регулярное похмелье и наплевательское отношение к ношению формы, хоть и ворчала, обещая «влепить строгача».

Добрыня махнул рукой, подскочил к машине и рывком открыл пассажирскую дверь. В салон, в святая святых Батькова, ворвался вихрь другого мира. Запах дорогого, древесно-цитрусового одеколona, который благородно оттенял легкий шлейф вчерашнего коньяка, ночи, потраченной на веселую жизнь вместо сна, и хаоса.

— Стас Михалыч! Привет. Спасибо, что выручил!

Майор лишь кивнул, глядя прямо перед собой на мокрый асфальт, в котором отражалось хмурое небо. Но ему чудилось изможденное лицо, прожженное дымом Салема, и прямая спина. Образ отца.

«Понял, батя. Все понял. Иду на войну».

— Стас Михалыч, слушай. Я тут все думаю, как «русалка» в промзоне оказалась-то? Помогли, походу... — голос Горского был бархатным, немного хрипловатым от недосыпа, но полным такой искренней радости, что Батьков почувствовал, как сжимаются челюсти от злости.

— Разберемся.

Следователь поудобнее втиснулся в кресло, дальше выставил ноги и сбросил капли с рукавов. Стас лишь раздраженно щелкнул языком.

— Ну и денек, а? Промозглый. Прямо как в том анекдоте про...

Добрыня непринужденно болтал, не обращая внимания на недовольный вид майора.

— Башка трещит... А я же вчера всего пару рюмочек коньячку-то... А кофеек, случаем, не найдется? Без него я как вареник без сметаны. Пока в отдел попадем, башка лопнет.

Вот она, неосознанная провокация прикоснуться к ритуалу. Вторгнуться в священный порядок утра Батькова. Лейтенант точно знал, что у того всегда с собой есть кофе. Станислав медленно повернул голову. Серые глаза встретились с ясными, слегка влажными от утренней прохлады глазами Добрыни. Он не сказал ни слова, просто протянул руку к центральному тоннелю и взял свой термос, армейский, алюминиевый, с небольшими вмятинами в нескольких местах и отмытый до блеска. Он открутил крышку-стакан и налил. Пар поднялся густым столбиком, неся с собой аромат свежесваренного кофе. Его кофе, приготовленного по правилам.

Это был жест не доброты, а проверки себя. Он протянул Горскому стакан с мыслями: «Ты — хаос. Я — порядок. Смешай. Посмотрим, что получится».

Следователь взял кофе, даже не задумавшись о символике жеста. Пальцы непринужденно обхватили горячий металл.

— О, спасибо, родной!

Батьков замер, наблюдая. Горский облизнул губы и снова широко улыбнулся.

— Ого! Класс! Крепкий, настоящий! Вку-усный!

Эти слова сводили майора с ума и уничтожали всю глубину жеста, превращая в примитивно бытовую услугу. Для Горского не было «системы», «ритуала», «контроля». Просто «вкусно». Как все в его мире — обыденное и доступное.

«Как и она тогда. Просто «устала». Просто «не могу». Слова-пустышки, за которыми — предательство порядка. Слабость», — раздраженно хмыкнув, Станислав резко схватился за рычаг коробки передач.

Внутри вспыхнуло глубокое презрение. Отец бы вышвырнул этого франта из машины на первом же километре.

«Гниль, а не человек. Мягкотелое отродье. Многие из таких на войне через день пулю в лоб от тоски получают или спиваются», — эхом прозвучал в голове голос Михаила Николаевича.

— Пристегнись, — проворчал майор.

Добрыня послушно щелкнул ремнем, держа стакан в другой руке, и посмотрел в окно, напевая что-то под нос. Машина тронулась. Дворники синхронно двигались, но ритм уже был сбит. В салоне висел чужеродный запах. На сиденье рядом сидело олицетворение бардака, которое только что прикоснулось и употребило часть системы Батькова, даже не заметив этого. Бессмысленность, с которой нельзя воевать, можно только терпеть и использовать там, где этот хаос способен, по чудовищной случайности, разыграть полезное действие.

— Мы на Портовую сейчас? — спросил следователь, отрываясь от окна.

— Нижне-Портовая, четырнадцать. Двор. Уточнений нет.

— Вот я и говорю, старые доки, заброшка. Там сейчас только бомжи да крысы. Интересно...

Майор мельком взглянул на него. На лице Горского играла задумчивая ухмылка, но глаза на секунду стали чуть уже.

— Интересно, есть ли у тех крыс похмелье? Думаю, да. После такого-то житья...

Батьков свернул к Нижне-Портовой улице. Она казалась длинной, унылой полосой между кирпичными боками бывших складских корпусов, теперь стоявших с выбитыми окнами. Воздух здесь был тяжелее городского — пахло ржавым металлом, влажным деревом от разваливающихся поддонов и кислой землей. Дождь превратил дорогу в череду черных зеркал.

Двор, зажатый между двумя складами, пребывал в запустении. Место, куда время пришло и забыло зачем. На затоптанном клочке земли, где когда-то пыталась расти жалкая травка, а теперь лежала только глина и осколки кирпича, раскинулась небольшая лужа, метра полтора в диаметре. И глубиной, как позже замерят, в семь сантиметров. Вода в ней была мутно-молочной, с радужными разводами. В ней находился человек, который аккуратно лежал лицом вниз в месте, огороженном сигнальной лентой МВД от случайного попадания прохожих в опасную зону.

Вокруг суетились люди в полицейской форме и врачи скорой помощи, которые уже собирались уезжать. Горский разговаривал с участковым, стоящим у края ленты. В стороне эксперт-криминалист ждала разрешения следователя приступить к работе. Но все это было фоном. Батьков стоял в трех метрах от лужи, и его мозг уже всю работал, строя версии, отсекая невозможное и нанизывая факты на стержень логики.

«Лужа мелкая — самому утопиться нереально. Если только держали. Или без сознания был. Пьяный? Инсульт? Хм... возможно. Или принесли. Или... или держали голову, пока не захлебнулся. Но опасно. Вдруг кто? Бред какой-то...»

Добрыня приступил к осмотру и начал заполнять бланк.

— Ну что, майор, принимай эстафету, — подошел к нему молодой участковый и устало зевнул. — Лейтенанту уже рассказал. Все как есть. Нашли два часа назад. Санек-дворник. Говорит, сначала подумал — пьяный. Потом присмотрелся и... вот. Меня подняли сразу. Даже кофе не дали выпить.

Батьков пожал плечами и кивнул, не отрывая глаз от лужи. Он сделал шаг вперед, потом еще один. Ботинки вязли в грязи. Он остановился у края воды, рассматривая спину мертвеца.

— Позу зафиксировал? «Смирно»?

— Зафиксировал, — нахмурился Горский, уже застегивая кожаную папку.

— А что ботинки идеально вычищены?

Следователь замер, а потом медленно открыл планшет снова и с раздражением буркнул:

— Ты специально молчал до конца?

— Ты же следователь. Должен был сам заметить.

Стас пожал плечами. Добрыня еще что-то проворчал себе под нос, широко зевнул, посмотрел на эксперта-криминалиста, приступившую к своей работе, и улыбнулся.

Наталья Альбертовна Морозова. Молодая, но весьма грамотная в своем деле. Она пришла в ЭКЦ восемь лет назад — сразу после университета МВД. Коллеги тогда посмеивались над смазливой курсанткой. Но смех прекратился после дела о серийном убийце: она нашла микроскопический след краски на подошве жертвы, который когда-то использовался только на одном заброшенном заводе в городе. А опытный наставник его пропустил. Убийцу поймали за неделю. Строгий нрав, дисциплинированность и беспристрастность в работе — в этом Наталья с Батьковым были похожи.

Белый защитный костюм Морозовой выделялся ярким пятном в грязной палитре двора. Капюшон скрывал иссиня-черные волосы, но не маскировал напряженную линию скул под прозрачным экраном респиратора.

Она подошла к краю ленты и остановилась рядом с Батьковым. Короткий взгляд черных глаз скользнул по его лицу и вернулся к луже.

— Станислав Михайлович, приветствую.

Он едва заметно кивнул, но Наталья уже смотрела на тело.

— Видим инсценировку. Мужчина, на вид сорок пять-пятьдесят лет. Костюм синтетический, низкого качества, но новый. Следов износа на локтях, коленях — нет. Куплен недавно. Возможно, прямо накануне.

Она сделала шаг к луже и присела на корточки. Рука в белой перчатке повисла над мутной водой, не касаясь поверхности.

— Поза выстроена. «Смирно» лицом вниз. Руки вдоль тела, ладони прижаты к бедрам, пальцы выпрямлены. Обратите внимание на кисти — никаких ссадин, на первый взгляд. Частиц кожи под ногтями тоже. Похоже, он не сопротивлялся. Или не мог.

Ее взгляд пополз вверх по спине, к шее, скрытой воротником.

— Трупные пятна фиксированные, вишнево-багровые, на передней поверхности тела. Соответствуют позе. Но...вода не поднялась выше линии погружения. Рукава, спина, воротник — были сухие. Подмокли под дождем. Его окунули сюда в уже застывшем состоянии. После наступления полного окоченения. Бережно... Как... как ритуальный предмет.

Вдруг упругим покачиванием к ним подошел Добрыня. Его дорогой одеколон врезался в смрад двора дерзким аккордом.

— Натали! Ты прекрасна, как всегда! Как... э-эм.. как лезвие бритвы на фоне этого бардака! — попытался он фальшиво и бодро рассечь напряженность, которую чувствовал, но никогда не понимал. И ловко переступил ограждение.

Наталья Морозова даже не повернула головы. Она продолжала смотреть на тело, но вся ее поза — прямая спина, чуть отведенные плечи — кричала о неприкосновенности личного пространства.

— Лейтенант Горский, вы нарушаете границу зоны отбора проб. И создаете риск уничтожить следы. Отойдите за ленту, пожалуйста.

Добрыня замер. Улыбка застыла на лице. Он почувствовал себя мальчишкой, сунувшим палку в жужжащий улей и не ожидавшим такой мгновенной, беззвучной атаки. Впрочем, как и всегда. На эту женщину не действовали его чары. Ни разу. Это злило и вызывало еще больший интерес к ней.

— Да я просто... любопытно же, — досадливо и как-то неуверенно выдавил он. Рядом с Морозовой он всегда чувствовал себя почти ничтожеством. — Мужик-то как, по-твоему... по-вашему? С бухты-баракты что ли? Или его так уложили?

Она наконец повернулась к нему. Безразличный взгляд скользнул по его лицу. И уже отворачиваясь, она произнесла.

— «Уложили» — термин некорректный. Тело перемещено после смерти. Утопление здесь исключено. Теперь, если позволите... я работаю.

Криминалист сказала это так, будто захлопнула стальную дверь прямо перед его носом. Добрыня отпрянул, лента натянулась, он нервно оглянулся и сделал шаг вперед. А потом полез в карман ветровки за сигаретами и закурил. Руки двигались чуть резче обычного. Пепел упал на идеальный белый кроссовок, но он этого не заметил. Взгляд метался между непробиваемой спиной Морозовой и профилем Батькова, который слушал ее, не шелохнувшись, весь превратившись во внимание. И в глубине зрачков Добрыни, под маской бравады, зашевелилась темная, кислая тень ревности к этому союзу понимания, в котором не было места его шуткам, его обаянию, его миру... ему!

Майор же, не отрываясь от лужи, сухо проговорил:

— Продолжайте, Наталья Альбертовна. Товарищ следователь уже внимательно вас слушает.

Она кивнула, снова погрузившись в наблюдение, и теперь указала на лужу.

— Аномалия первая: вода. Молочно-мутная, с радужной пленкой. На нефтепродукты не похоже. Запах другой, — она чуть склонила голову, вдыхая. Веки на мгновение сомкнулись, словно она прислушивалась к аромату. — Полынь. Можжевельник. Мокрый пепел. И... металл. Окислившаяся медь. И от лужи идет волна холода, градуса на три ниже, чем на улице.

Она выпрямилась и снова подошла ближе.

— Внешние признаки указывают, что тело было помещено сюда... как сообщение, которое мы пока не можем прочесть, потому что алфавит... алфавит иной. Вполне возможно, у нас новый маньяк.

Она посмотрела на Батькова. В глазах читалась тень ярости.

— Возьму пробы для полного спектрального анализа жидкости. Надо направить тело на гистологию тканей. Жесткость неестественная, на первый взгляд. Даже для полного окоченения. Как будто его заморозили. Но больше смогу сказать, когда сделают вскрытие.

В этот момент Добрыня, все еще стоявший в стороне, не выдержал. Ему нужно было вернуть себя в этот круг хоть как-то.

— Может, он замерз? Ночью холодно было. А потом его сюда шлепнули?

Наталья очень медленно повернула к нему голову и недовольно сверкнула глазами.

— Товарищ лейтенант, естественное переохлаждение не объясняет сохранения позы при перемещении тела. Ваша версия исключена. Не тратьте мое время.

Она снова повернулась к майору, тон ее смягчился, став почти дружеским.

— Станислав Михайлович, я подготовлю отчет после детального осмотра и когда будут первые лабораторные данные. Отправлю вам копию — ваше мнение имеет вес. Оригинал, разумеется, лейтенанту Горскому.

Батьков кивнул. Она уже отворачивалась, но бросила через плечо — тихо, так что услышал только он:

— Вам бы тоже лучше в отдел. Здесь... не совсем правильно дышится.

Майор понял, она говорила о той невидимой тяжести, что исходила от аккуратного тела в грязной луже. От воды, которая странно пахла. Он отступил от огороженного места преступления, вдыхая ледяной воздух. Добрыня курил, сжав сигарету так, что та вот-вот сломается.

Взгляд оперуполномоченного выхватил из темноты подъезда бледное, безразличное лицо дворника. Видимо, тот Санек, что и обнаружил «русалку». Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел, как тело, завернутое в черный мешок, неестественно прямое и негнущееся, погружали в чрево санитарной «труповозки».

Батьков отвернулся. Процессия завершилась. Теперь начнется работа. Но сначала — дорога назад. В клетку отдела, в бумажный хаос, который был его полем боя. Он двинулся к своей ладе, утопая в грязи. За ним, поскользнувшись на размокшей земле и пытаясь спасти белые кроссовки от грязи, непривычно молча шел Добрыня.

Они сели в машину. Двери захлопнулись, отсекая внешний мир, но тот успел просочиться внутрь. Станислав завел двигатель и включил дворники. Они замерли на миг на самом верху, а затем ритмично поползли вниз.

— Поехали? — необычно равнодушно спросил следователь.

Майор кивнул, вывернул руль, и гранта, похрустывая щебнем и битым кирпичом, выползла из двора на пустынную улицу. Фары били сквозь пелену дождя, выхватывая из мрака громады складов, ржавые гаражи, одинокую фигуру бомжа, копошащегося в мусорном баке.

— Не против? — уточнил Горский, кивая на пачку сигарет.

Стас согласно дернул головой. Добрыня закурил, шумно выдохнул дым в стекло и проговорил, натянуто бодрым тоном:

— Ну и денек, Стас Михалыч. Прямо как в кино про маньяков. Только холодно. И воняло там... Блин, знаешь чем? Прямо как у моей бабки в деревне, когда она всякие травы для церковных кадил сушила. Полынь, чабрец... А еще... железом. Ржавым. У серийников обычно — кровянистая тьма. А тут... Ты с таким сериалом сталкивался?

Майор не ответил. Он и сам пока не понимал, маньяк орудовал или все гораздо проще. Но странность в этом деле определена была.

— Костюмчик на нем — дешевка, но новенький. Как на собеседование собрался. Или на свиданку. Только лицом в лужу. Неудачное, видать, вышло свиданье, ага. Интересно, кто ж он такой? — продолжал лейтенант уже быстрее, словно боялся, что если остановится, тишина его задавит. — Банковский? Мелкий чиновник? Изменил — жена пристукнула и выкинула,

чтобы не палиться? Хотя нет, слишком... аккуратно. Как будто не убили, а... откомандировали. Куда-то. Туда, где...

— Да замолчи уже, — резко оборвал его Стас.

Добрыня замолк на полуслове с приоткрытым ртом, сглотнул и посмотрел на профиль майора, освещенный мерцающим светом приборной панели.

«Полынь. Горькая трава. Ею окуривали избы от нечисти. От духов. От того, чего не видно. От чего тебя очищали, товарищ покойник? От жизни? От следов чужих рук? — размышлял Станислав. — Новый костюм. Ритуальная одежда. Облачение. В чем хоронили раньше? В лучшем. В последний путь — в чистом, в новом. Его одели для последнего пути, но тот прервался. Или только начался? Военская стойка «смирно». Руки по швам. Перед кем? Кто принимает парад мертвых, выстроившихся лицом в грязь?»

— Батя, — почти шепотом сказал Добрыня. — Как считаешь, Морозова... она ненавидит меня? Только за что? Всегда такая... ледяная.

— Она профессионал. Ее дело — факты. А они, Горский, сейчас говорят, что мы имеем дело не с пьяной дракой и не с бытовухой. Кто-то очень аккуратный вывалил на наш порог кусок другого мира. И теперь мы должны его разобрать по косточкам. Понял?

Добрыня быстро кивнул.

— Понял. Просто она... как колючка иглы свои распушила. Или эта... рыба... как ее?

Майор проворчал, что лейтенант снова спрятался за шутками. Не первый год уже на службе, а рефлексы все те же. Следовательно только молча нахмурился.

Они уже въезжали в город. Окна хрущевок светились желтыми квадратами. Жизнь. Обычная, грязная, пахнущая мокрой шерстью и жареной картошкой. А у них только преступления и... трупы.

— В отделе, — внезапно нарушая тишину, проговорил Добрыня, глядя вперед. — Пиццу закажу. С двойным сыром и пепперони. Очнуться надо. А то прям трясет после этого... этого всего.

Станислав вздохнул и покачал головой, ничего не ответив. Он сильнее сжал руль, ощущая под пальцами шершавую кожу. Руль возвращал его к реальности. Он вел машину, расследование и... войну.

Глава 3

Лада буквально вползла во двор. Здание Управления МВД города Рудноград давно осело. Серая пятиэтажная коробка, некогда гордо именовавшаяся «Домом быта», провалилась в грунт на пол-этажа, будто земля под ней давно превратилась в шахтную пустоту, и медленно засасывала в себя советское прошлое. Ржавые, кривые балконы подпирали низкое, свинцовое небо, которое здесь всегда казалось потолком заброшенного цеха.

Все дворы города были залиты асфальтом еще при советской власти, как одного из главных шахтерских городов. Но со временем Рудноград перестал представлять какую-либо ценность для нового государства, потому что шахты затопил магистральный деривационный канал, или как его в народе называли — Мертвяк. Местные старожилы же боязливо шептали Затоплыш, но это название со временем почти забылось.

Асфальт во дворе весь потрескался шрамами с сочившейся на поверхность рыжей рудной глиной. По углам у цоколя, в лужах маслянистой воды, плавали обгорелые и размокшие окурки, походившие на личинки мертвых насекомых. Ошметки старых газет, прилипшие к решеткам ливневки, висели мокрыми, грязными саванами, на которых угадывались фрагменты старых лозунгов о светлом завтра, смытые дождем в единое серое месиво.

Здесь, у подножья ведомственной коробки, разило пылью архивных дел, бензином из проржавевших баков оперативных газелей и тоской. Смордом, что Батьков каждое утро выветривал из своего кабинета.

— Ну вот и родные пенаты, — хрипло произнес Добрыня, отстегивая ремень.

Станислав не ответил, вышел из машины, и грязь с подошв, принесенная с Нижне-Портовой улицы, осталась на асфальте темными кляксами. Он взглянул на подъезд, служивший главным входом в отдел: облупленная дверь, до сих пор обитая черным дерматином, с крошечным окошком из матового стекла. На нем — отпечаток чьей-то ладони, застывший, как свидетельство давнего, забытого порыва к бегству.

Горский двигался впереди легкой походкой, танцуя и перешагивая через лужи. Подойдя к двери, он на миг замер и непроизвольно провел рукой по влажным белокурым волосам, ловя свое отражение в грязном стекле. Майор раздраженно поежился и мотнул головой.

Дверь скрипнула, впустив их в тамбур. И тут же в нос ударил кислый аромат растворимого кофе «Якобс», который здесь пили литрами, пыли старых папок, плесени от сырых стен и едкий оттенок хлорки, которой пытались замывать следы чужой жизни.

Лифт опять не работал. На панели висела табличка, написанная от руки на обрывке коробки из-под сигарет: «На ремонте. Идите пешком. Привыкайте». Стрелка между этажами замерла на отметке «два».

— Ага, — фыркнул Горский, бросая взгляд на лестницу. — Спортзал. Бесплатный. Спасибо начальству за заботу о нашем здоровье.

Они молча поднялись на третий этаж. Дверь в отдел по расследованию особо важных преступлений была открыта. С порога разворачивался вид на два стола, расположенных у окна друг напротив друга, за которыми, переговариваясь между собой, сидели «два капитана», как называли их в отделе с иронией — Хлыстов Андрей Игоревич и Вихров Игорь Андреевич. Кто-то из старших еще вспоминал Каверина, но романтика давно выветрилась, оставив только путаницу в именах и вечную скуку дежурств.

— Здравия желаем, Батя! — хором весело поприветствовали они майора. Он терпеть не мог этого прозвища, но давно устал бороться и кивнул в ответ, проходя к своему столу у дальней стены. А они уже обратились к Добрыне. — Ну и тебе, дитя разврата, тоже не хворать.

Тот шутливо отдал им «честь», устало плюхнулся на стул и потянулся за кружкой, стоящей на его временном столе, что три месяца назад освободил ушедший на пенсию майор Петров.

— Дождались, — в проеме, опираясь плечом о косяк, стояла полковник Волкова.

На ней был черный пиджак, распахнутый настежь, из-под которого виднелась строгая голубая блузка, выглаженная до безупречности. В узловатых пальцах руки покоилась кирпично-красная, с потрескавшейся фигуркой улыбающегося кота на боку, кружка, от которой струился легкий пар крепкого чифира. Она оценивающе смотрела на Батькова.

— Что, «русалку»-то выловили? Настоящая хоть? Или опять городская легенда в грязи?

Тот, не отводя глаз от ее лица, расстегнул молнию и снял чуть промокшую форменную куртку. Бережно смахнул невидимую пыль, поправил погоны, уже отяжелевшие от влаги, и аккуратно накиннул на спинку стула.

— Настоящая... Только без хвоста и в костюме.

В кабинете повисла тишина. Волкова медленно поднесла кружку к губам и сделала небольшой глоток. По лицу не пробежало и тени удивления. Лишь серые глаза на мгновение с сосредоточенным интересом сфокусировались на майоре.

— В костюме... Интересно.

Воевода оторвала взгляд от Стаса и уставилась в зарешеченное окно, за которым простирался пасмурный Рудноград.

— Костюм-то дорогой? Или так, дешевка?

— Синтетика, — пожал плечами майор. — Но новый, пошитый добротнo. Не простой ширпотреб.

— Новый... Все они в чем-то новом. Перед концом. Как будто собираются в гости. Только адрес перепутали.

Она повернулась к Горскому.

— Ладно, герои. О версиях позже доложите. Из прокуратуры мне сейчас звонили, отчет по «жмурикам» в том наркопритоне на Юге требуют. Я сказала, что вы на месте преступления геройски пьете кофе... с коньяком.

— Я не пил! — оживленно возмутился Добрыня, расстегивая ветровку. — Ну, почти... Кофе только. Для сугреву. Стас Михалыч мне своего налил, между прочим. Крепкий, бодрящий. Все остатки вчерашние враз выветрились!

— Горский! — строго отчеканила Волкова. — Ты опять одет не по уставу!

— Я в последний раз, товарищ полко-овник!

Она недовольно покачала головой.

— В последний раз... Два дежурства с тебя в выходные. Стас Михалыч кофе ему налил... Еще раз нарушишь — «строгача» влеплю и доклад вышестоящему напишу!

Горский вскочил по стойке «смирно», громко выкрикнув: «Есть!» Воевода закатила глаза и посмотрела на Батькова с немym вопросом. Тот отвернулся, садясь за свой аккуратный стол, на котором не было ничего постороннего. Компьютер, телефон, подставка с ручками, уложенными параллельно. Ни одной лишней бумаги. Всегда идеальный порядок.

— Ладно, шутки в сторону. Отчет Горский подготовит, а ты в прокуратуру передашь, Батьков. А потом все силы на «русалку» кидай. Дело это, видать, пахнет нестандартно.

— Точно. Полынью и железом, — негромко произнес майор, включая компьютер. — И мокрым пеплом.

Полковник перевела взгляд со Стаса на Добрыню, который неловко теребил пачку сигарет, и обратно.

— Полынью?

— Вот и я говорю, — оживился Горский, как будто его наконец-то поняли. — Прямо как у бабки моей, когда она кадила. Только еще... холодом. От лужи дубак тащился жуткий. И вода — мутно-белая, с радугой.

— Замолчи, Горский, — сказал Батьков без злости, но так, что он сразу смолк.

— Отчет! И сразу же основательно за утопленника принимайтесь. Свидетелей, версии обдумай, мотив, пока Горский отчетом занят. Ну, в общем, не мне тебя учить, майор.

— Так точно.

— Что это у вас там за «жмур» такой загадочный? — недоверчиво спросил Хлыстов, когда Волкова скрылась за дверью. — Помощь нужна?

Станислав покачал головой.

— Добрыня, я сейчас оперативной справкой займусь, а ты пока... подними все, что было за последний год по убийствам с нестандартным расположением тел. И отправить запрос на пропавших надо — мужчин от тридцати до пятидесяти лет, возможно, из низкооплачиваемых контор, но стремящихся к порядку. Чистые ботинки...

— Чего ты меня учишь? Я пока еще следователь. Сам знаю!

— Следователь, следователь... Так, подсказал просто.

Он заметил, как Горский снова бросил взгляд на стеклянную дверь шкафа, но на этот раз быстро отвел глаза, словно поймал себя на чем-то неприличном.

— А дело-то новое, заковыристое... Даже Воевода насторожилась. Обычно-то...

Стас снова посмотрел на него. На человека, который пах дорогим одеколоном и вчерашним коньяком, боялся тишины, заполняя ее пустыми словами и искал себя в каждом отражении.

— Дело... любое! Не для игры в следователя, а для набора опыта, который тебе, уже наконец-то, надо перенимать. Повнимательнее, лейтенант.

Горский замер, на мгновение на лице промелькнула детская обида. Но он только кивнул и пошел в архив, оставляя едва заметные влажные следы кроссовок.

Батьков отвернулся к монитору. Хлыстов с Вихровым, словно по сигналу, вернулись к своему вечному спору о футболе, но говорили вполголоса, будто боялись спугнуть осевшую после ухода Воеводы тишину.

На экране загорелся текстовый редактор. Майор открыл форму оперативной справки и начал печатать: «Улица Интернациональная, семнадцать “а”...» Но в ушах снова стоял далекий щелчок отстегиваемой портупеи из детства. И чувствовался запах горькой травы.

«От чего тебя окурили, товарищ покойник? И главное — от чего пытаются окурить нас?» — подумал он и поднял глаза.

На противоположной стене висел плакат советских времен: «Бдительность — наше оружие!» Краска выцвела, бумага пожелтела. Но слова казались сейчас каким-то зловещим напоминанием.

«Бдительность... Против чего? Против хаоса, который пришел... с иным алфавитом...»

Батьков потянулся к ручке. Пальцы сомкнулись вокруг холодного пластика. Контроль. Порядок. Конечно, он сделает свою часть работы. Разберет этот ужас по косточкам, разложит по полочкам протоколов и превратит хаос в строки отчета. Как всегда. Но глубоко внутри, где когда-то пылали от отцовского ремня детские ладони, начинал тлеть незнакомый огонь ледяного предчувствия. Отец готовил его к битве с человеческим бардаком. А эта война... смердела иначе.

Полковник вызвала к себе Станислава, когда тот уже передал в прокуратуру отчет, подготовленный Горским. Подняв трубку служебного телефона, он отрапортовал: «Так точно!» И, поправив манжеты рубашки, отправился к начальству.

Пока он шел эти несколько десятков шагов по коридору, лейтенант Горский ворошил в архиве папки с серыми корешками. Пыль вставала столбом, заставляя его морщить нос.

— Пропавшие без вести, мужики, тридцать-пятьдесят, за последний год... Боже, как скучно. Все эти Ивановы Петровы Сидоровы... Искал бы их кто-нибудь, не пропадали бы.

Он зевнул во весь рот и потянулся, отчего дорогая футболка приподнялась, обнажив стройный рельефный живот. Взгляд упал на молоденькую стажерку, смущенно раскладывающую дела на соседнем столе. Улыбка заиграла на его лице мгновенно.

«О, а вот и куда интереснее...» — игриво подумал Добрыня и улыбнулся шире.

Дверь кабинета Волковой была из массивного дерева, покрытого десятком слоев казенного лака. Батьков постучал костяшками дважды.

— Да! — сухо послышалось по другую сторону. — Войдите.

Кабинет Воеводы был просторным. Здесь не было никаких фотографий родных, сувениров, кривых детских рисунков. Только большой стол, заваленный папками, два стула для посетителей и шкаф с решетчатыми дверцами, за которым угадывались стройные ряды дел. На стене — старые часы с жужжащим маятником, монотонно отсчитывавшие секунды. И маленький, узкий балкончик с облезшей кованой решеткой — единственное место, откуда в эту герметичную камеру просачивался внешний мир. Ну, и здесь полковник могла всласть «подышать».

«Стремление к порядку у нас все же семейное», — отмечал про себя майор, всякий раз оказываясь в кабинете у Волковой.

В воздухе витала ментоловая горечь, въевшаяся в краску, в дерево стола, в саму штукатурку за тридцать лет. Сладковатый запах старой, пожелтевшей бумаги. И едва уловимый, но стойкий дух пыли, одиночества и бессонных ночей, проведенных над делами, которые Варвара Николаевна так и не смогла раскрыть.

Она сидела за столом, не поднимая головы, и что-то писала в органайзере. Дорогой черный пиджак она накинула на плечи. На столе, рядом с небольшой стопкой дел, стояла любимая кружка с котом и дымилась, наполняя комнату ароматом неизменного чифира. Рядом лежала открытая пачка зеленого «Салем» и сувенирная пепельница в виде медвежьей лапы, доверху забитая окурками.

— Садись, Батьков, — сказала она, не глядя, заканчивая строчку в блокноте.

А в это время Добрыня, оставив архив, уже болтал у кофейного автомата внизу. Он прилонился к стене, изящно изогнувшись, и рассказывал что-то смешное младшему инспектору по делопроизводству. Та краснела и смеялась, прикрывая рот ладонью.

— Ну, Светочка, один только маленький капучино, с сиропом... для мозговой активности, понимаешь? А то в этих архивах прям мозги стынут.

Он щелкнул банковской картой с небрежной грацией, получил стаканчик и, сделав глоток, мучительно закатил глаза.

— Боже, это же отра-ава! — протянул Горский, лукаво улыбнулся, возвращаясь взглядом к собеседнице и подмигнул. — Но хоть сладкая. Прямо как ты.

— Да ну тебя... — покраснела Светлана, смущаясь, не в силах сопротивляться его обаянию.

— Ну так что? Вечером по нормальному капучино?

Полковник наконец отложила ручку. Тяжелый взгляд устремился на Батькова.

— Докладывай.

И он докладывал. Сухо, четко, по пунктам, как того и требовал внутренний устав. Волкова слушала, не двигаясь. Только пальцы с желтыми от никотина кончиками медленно постукивали по дереву стола почти бесшумную морзянку.

— Вы пропавших пробили? — спросила она первым делом.

— Да, сейчас Горский этим занялся. Он в архиве.

Взгляд полковника на мгновение задержался на его лице и оценивающе прошелся по нему. Ему показалось это подозрительным, но вида майор не подал.

— Хо-ро-шо... Добавьте тогда направление: проверьте магазины, где могли купить такой костюм. Раз новый, возможно, недавно. Свяжитесь с Морозовой, пусть все анализы, даже маловероятные, в приоритет. ДНК тоже. Отпечатки снимали? Во-от, тоже проверь, если Горский не додумается сам. И пусть эксперты дадут фото утопленника в базу. Может, где выскочит.

Ее указания были такими же точными и безэмоциональными, как и его доклад. Но между строк читалось: «Я знаю, что это не все. И ты тоже».

Добрыня, вернувшись в кабинет с кофе, сел за компьютер. Несколько минут с энтузиазмом тыкал в клавиши, пытаясь запустить запрос по базе пропавших. Хлыстов с Вихровым беззлобно подтрунивали над ним. Мол, со всеми девушками в отделе тот уже перезнакомился да с ума свел, и им теперь даже поговорить не с кем. Он добродушно отмахнулся от них, повернулся к монитору и понял, что система зависла на этапе авторизации — сервер не отвечал. Он вздохнул, откинулся на спинку стула и потянулся к телефону.

— Алло? Да, это я... — голос снова приобрел бархатные, теплые тона. — Скучаю? Нет, что ты, просто работа... Да такая, нудная... Вечерком? Пока не знаю. Ммм... Ждешь? Ну и отлично. Ага, и я...

— Стас, твои соображения? Версии? Давай, что там крутится в этой твоей, вышколенной отцом башке?

Майор даже не обиделся на пренебрежительный тон полковника. Все в их семье были грубоватыми и прямолинейными. Но надежными и верными до мозга костей. Он знал, что тетка Варя любила племянника, и искренне отвечал ей взаимностью. Из семьи у него осталась лишь она. Но служба не терпит фамильярностей. Иногда Стасу казалось, что никто в отделе даже не догадывается об их родственной связи.

Он выдавил из себя рациональное. Инсценировка. Убийство в другом месте. Ритуальный характер — возможно, для запугивания. Но отметил аномалии: поза, неестественная даже для ритуала; вода, которую невозможно идентифицировать навскидку; холод, необъяснимый физически.

Волкова слушала внимательно с каменным лицом. А потом вдруг резко встала, подошла к балконной двери и распахнула ее. В кабинет ворвался поток промозглого рудноградского воздуха. Она вынула из пачки сигарету и закурила, не прикрываясь от ветра. Стояла спиной, а дым клубился вокруг ее неподвижной фигуры.

— Полынь... полынь уже всплывала раньше. В делах, которые потом благополучно закопали в архив.

— Почему?

— Потому что в них было все, кроме здравого смысла.

— Не понял.

— Когда факты начинают спорить с реальностью, начальство обычно выбирает именно ее.

— И?

— И дело закрывают.

— Да почему?

— Потому что правда иногда хуже всяка.

Полковник повернулась к майору. Сигарета в руке догорала, тлея ровным огнем.

— Будь осторожен, Стас.

— Думаете, мы что-то упускаем и это сериал?

— Думаю, все может оказаться хуже.

Батьков хмыкнул.

— Что может быть хуже серийника?

— Не вся дрянь носит человеческое лицо. Психопата можно посадить или пристрелить, если припечет.

— Вот уж не думал, что услышу такое от вас.

— Если это обычный психопат — тебе повезло.

— Повезло? Вы сейчас серьезно?

— Да. Потому что психопатов можно найти и собрать дело.

— А если нет?

— Тогда будет куча трупов. И отчет, который никто не захочет подписывать.

— Как-то не слишком убедительно.

— Просто будь внимательнее и не лезь на рожон, когда... пахнет полынью.

— И все? Так просто? Да что вы все к этому запаху прицепились-то?

— Он появлялся раньше остальных проблем.

— Шикарно! А поточнее можно?

— Для начала хватит. Но если это то, о чем я думаю... у тебя долго не будет нормального подозреваемого.

— Почему?

— Потому что тогда придется искать не там, где ты привык.

Она сделала последнюю затяжку, швырнула окурок с балкона в серую мглу двора и прошла обратно в кабинет, хлопнув дверью. А по кабинету все сильнее разносился ментоловый дым.

— Работай, — бросила Воевода, садясь за стол и снова беря в руки ручку. Разговор был окончен.

Когда Станислав вернулся к себе, Добрыня как раз заканчивал еще один телефонный разговор сладким: «Договорились, зайка, вечером... или завтра». Увидев майора, он просиял. Хлыстов, не отрываясь от бумаг, хмыкнул и цинично бросил: «Горский, ты хоть один запрос за сегодня сделал, или только сердца разбиваешь?» Вихров молча протянул Андрею папку с предписаниями прокуратуры, которую Волкова утром швырнула на стол со словами «разгрести к вечеру». Добрыня отмахнулся от него и указал майору на свой компьютер.

— Стас Михалыч! Запрос ушел! Система, правда, тормозит как...

Батьков сидел, не двигаясь, уставившись в пустоту над монитором. Он ждал, что нароеет следователь в базе. Горский же постоянно ерзал на стуле, не находя удобной позы. Одной ногой он зацепился за край стола, другой качал в такт какой-то внутренней мелодии. В руках его жила своя жизнь — смартфон. Он больше не звонил, а вел три параллельных диалога в мессенджерах и, возвращаясь к мышке, листал базы данных на компьютере, пальцами другой ладони нервно постукивая по столешнице.

— Так, Стас Михалыч, слушай сюда, — Добрыня оторвался от экрана.

— Ну?

— Поковырял я пропавших за последний месяц. Мужиков подходящего возраста двадцать три штуки.

— И?

— Половину сразу выкинул. Там жены, матери, любовницы, собаки, кошки — весь зоопарк на ушах стоит.

— Короче, Горский.

— Короче, если человек неделю назад фоткал шашлык на даче, а вчера его жена уже всех на уши подняла — это не наш клиент.

Принтер на столе хрипло зажужжал, выплюнув несколько листов. Добрыня поймал их на лету.

— В общем, осталось пятеро. Все одиночки. Бродяги, сезонники, один вообще жил по гаражам.

Он ткнул пальцем в лист.

— Вот этот интереснее всех. Геннадий Сергеевич Оловов. Сорок восемь лет.

— Судимый?

— А то! Три раза. Кража, разбой, хулиганка. Полный набор для коллекции.

— Погоняло есть?

— Ага, Железняк.

— Почему Железняк?

— Понятия не имею. Может, башкой гвозди забивал.

Батьков взял выжимку отчета.

— Последний раз где засветился?

— Теплотрасса возле Речного. Неделю назад.

Майор нахмурился.

— Не вяжется.

— Что именно?

— Костюм.

— Ну и что костюм?

— Ты труп видел? Это не бомж.

Лейтенант фыркнул.

— Батя, бомжи тоже иногда переодеваются.

— В новое?

— Так украл!

— Ботинки тоже украл?

— Ну.

— Чушь какая-то.

— Возможно.

— Ты сам-то веришь?

— Не особо.

— А зачем споришь тогда?

— Из принципа, — усмехнулся Горский.

Несколько секунд они молчали, а потом Батьков вздохнул.

— Ладно. Проверяем.

— Проверяем. Потому что если это все-таки он, я первый раз видел мужика, который бомжевал в костюме за ползарплаты следователя.

— Да он дешевый.

— Ну не настолько, поверь.

Лейтенант хмыкнул, а Станислав внимательнее взгляделся в распечатку. Черно-белое фото из базы МВД — лицо, изъеденное жизнью и алкоголем, с потухшими, заплывшими глазами. Ничего общего с их «русалкой».

— Да нет. Все равно не вяжется. Тот ухоженный. Это не бродяга. Нет. Даже время тратить на проверку не стоит.

— А если... — Добрыня щелкнул авторучкой, не уступая. — Если его привели в порядок? Вымыли, побрили, одели. Как... ну, как покойника в морге готовят. Только перед смертью.

— Зачем?

— А черт его знает. Ритуал? Может, фантом-перфекционист. Не может видеть грязь. Убил бомжа, но привести в божеский вид — эт пожалуйста.

Майор, хмыкнув, закатил было глаза, но тут же сообразил. Ритуал. Это стыковалось с неестественной позой и новым костюмом.

В этот момент зазвонил стационарный телефон, разрывая наступившую тишину. Стас взял трубку.

— Батьков.

— Станислав Михайлович, — в трубке прозвучал ровный, низкий голос Натальи Морозовой. — Предварительные результаты. У вас есть минута?

— Говорите, — он наклонился к телефону, а Добрыня замер, всем телом подавшись вперед, стараясь уловить обрывки разговора, услышав знакомый голос.

— Во-первых, судмедэксперт подтвердил: смерть от асфиксии вследствие утопления.

— Но?

— Но жидкость в легких и желудке не соответствует воде из лужи.

— Черт!

— Если говорить проще, утопили не там, где нашли.

— И что по этой жидкости?

— Состав сложный: дистиллированная вода, высокие концентрации эфирного масла полыни, соединения меди, следы органики растительного происхождения, которую еще предстоит идентифицировать. И... — Морозова немного помолчала. — Соединения, характерные для криогенных установок.

— Морозилка?

— Если у вас дома стоит промышленная криокамера, то да. Структура тканей указывает на глубокую кристаллизацию. А после разморозки тело приобрело «восковую» жесткость, которая и позволила установить его в позу без видимых внешних креплений. Это не просто инсценировка, Станислав Михайлович, с телом работали.

Батьков закрыл глаза. Перед ним проплыло лицо отца: «Есть вещи пострашнее ремня...»
— Что еще?

— На одежде и волосах — микрочастицы. Минеральная пыль, очень мелкая, типа цементной, но состав другой. И споры плесени, характерной для старых, заброшенных подвалов с высокой влажностью и плохой вентиляцией. Его держали где-то. До и, возможно, после смерти.

— Время?

— Смерть наступила приблизительно тридцать шесть — сорок восемь часов назад. Заморозка — до или в течение первых четырех, максимум восьми часов после смерти. Потом тело пролежало в криогене не менее суток, прежде чем его поместили в лужу. Никто никуда не торопился.

Майор записывал ключевые слова в блокноте: Полынь. Медь. Промхолод. Подвал.

— Спасибо, Наталья Альбертовна. Ждем полный отчет.

— Конечно. Он скоро будет у лейтенанта Горского. И, Станислав Михайлович... — ее голос зазвучал более человеческим, беспокойным. — Будьте осторожны. Этот «процесс»... пахнет не простым убийством. Это похоже на... приготовление. Простите за слово.

Она положила трубку. Батьков медленно опустил свою. В кабинете стало тихо. Игорь с Андреем уставились на него вопросительно. Даже Добрыня не шумел, а смотрел на майора, и было видно, как в голове у него складываются пазлы: бродяга, дорогой холод, подвал, полынь...

— Что, ее тоже не устраивает наш скромный утопленничек? — попытался пошутить Горский, но шутка вышла плоской и тут же сдохла.

Стас не успел ответить. Дверь в кабинет с треском распахнулась, ударившись об ограничитель. На пороге стоял молодой дежурный Серов, лицо было бледным, а на щеках горели два красных пятна — от бега или волнения. Он дышал ртом, хватая воздух, видимо, от спринта по лестнице.

— Майор!

— Что?

— Жмур!

— Кто нашел?

— Районные. Второй отдел.

— А мы причем? — возмутился Горский.

— Так начальник ихний посмотрел запись с камеры и... тут же нам перенаправил.

— Ну отлично! — недовольно протянул он.

— погоди... — вмешался Батьков. — А где труп-то?

— В промзоне на Заводской, двенадцать, строение четыре. Подвал. Мужик, погоняло «Жук». Районные сначала списали на разборку — зек бывший.

— Не, ну ты слышал? — лейтенант обратился к майору.

— Волкова только что приказала вам двоим немедленно заняться. Бросить все и ехать!
— попытался оправдаться Серов. — Я ж только...

Добрыня резко вскочил, и стул с грохотом отъехал назад.

— Это уже второй за день! Они издеваются?! — раздраженно воскликнул он. — Мы тут с нашей «русалкой» ледяной еле копошимся, а они нам нового «жмура» подкидывают! Почему нам-то? Мы что, падальщики городские? Вот, Хлысту с Вихрем заняться нечем. Пусть они и...

— Потому что, лейтенант, — произнес негромко, но холодно Стас.— Наша «русалка» странно пахнет. А теперь, судя по всему, появился «Жук», который смердит также. И Волкова соединяет точки, которые мы еще не видим.

Он решительно поднялся из-за стола и снял со спинки стула форменную куртку.

— Служба, Горский. Хватит ныть. Собирайся. Поехали смотреть, что там районных так напрягло.

Добрыня, все еще бормоча что-то невнятное под нос, потянулся за своей модной ветровкой.

Андрей проводил их взглядом.

— Везет некоторым. А мы тут опять отчеты жрем...

— Тебе лишь бы из кабинета сбежать, — хмыкнул Игорь.

Глава 4

Гранта кашляла на подъеме к западной промзоне Руднограда. Заводская улица была длинной и мрачной — выщербленный асфальт и пустые глазницы окон в цехах. Липкая угольная пыль, смешанная с ржавчиной, въедалась в легкие.

— Опять эти чертовы подвалы, опять грязь, — ворчал Горский, уткнувшись лбом в холодное стекло. — И почему сразу не передали? Бытовуха, блин! Чайником прикинулись, пока сверху пинок не прилетел. У них что, совсем мозгов нет?

Станислав молчал. Руки с усилием сжимали руль. Два странных трупа за день для совпадения многовато. В голове никак не складывался пазл. Лужа. Поза «смирно». Заморозка. Теперь — подвал. Разные же убийства, но Волкова отрядила и это им. Ее слова о польни и старых делах висели в сознании ментоловым дымом.

Он свернул во двор, вернее, в то, что от него осталось: море битого кирпича, джунгли из арматуры и одинокий, покосившийся гараж с облупленной надписью «Слава КПСС». Рядом, зияя черным провалом, ждал подъезд в подzemелье.

Запах ударил в нос еще на подходе к месту. Привычный уличный, ржаво-угольный душок резко сменился на амбре холодного металла, знакомого с утреннего осмотра. Только здесь его пронизывал чужеродный, сладковатый шлейф, от которого неприятно ломило виски.

Батьков замедлил шаг. Нутром он чувал связь. За годы службы он научился доверять вещам, которые не мог объяснить. Иногда раньше головы срабатывала чуйка. И сейчас она упрямо твердила, что оба трупа связаны, даже не видя еще второго места преступления. Он твердо решил всматриваться в любые мелочи, на первый взгляд ни о чем не говорящие.

У входа, курия что-то отвратительно воняющее дешевым табаком, топтался участковый. Лицо обветренное, глаза — усталые щелочки. Увидев их, он бросил бычок, раздавил его носком ботинка и козырнул с видом человека, заранее знавшего, что сейчас начнутся проблемы.

— Майор Батьков, лейтенант Горский, — отрекомендовался Стас, не протягивая руки. — Что имеем?

— Карелин. Да вроде как бытовуха, товарищ майор, — затараторил участковый, Геннадий Петрович. — Местный бомж Жук.

— Постоянник?

— Не. Пару месяцев как прибился. Но он не «труболет» и не «танкист». В подвале здесь кантовался. Видать, не поделил свою ночлежку со старожилками. Тут многие бомжуют, дерутся, угол делят... Вот и... Три дня назад нашли. Колотые. Да вспоротый как рыба. Мы и подумали — разборка.

— А теперь не думаете? — устало спросил Горский.

Участковый замаялся и провел рукой по щетине.

— Да запись... с нижника, на кассете еще. Камера там древняя. Пока нашли, на чем глянуть, пока раскрутили... До верха дошло — и как прорвало. «Срочно Волковой!» — и чтоб сами не лезли.

— Покажите, — коротко бросил Батьков и шагнул в темноту подвала.

Сырость сочилась по стенам, пузырясь под слоями плесени, напоминающей черную шерсть. Воздух был тяжелым, насыщенным затхлостью и миндалем. Разбросанный хлам — полусгнившие матрасы, ржавые бочки, горы тряпья — лежал в странном беспорядке. Стас поморщился.

— Свет-то включите? — проворчал Добрыня, споткнувшись обо что-то и чуть не упав. — Ни черта же не видно.

— Дык, не работает. Может, лампочка. А может и вовсе патрон сдох, — пожал плечами Карелин. — Здесь все на ладан дышит уже.

— Не ной, лейтенант, — сказал Батьков и полез в карман. — Свой «глаз» всегда надо при себе иметь.

Он вытащил фонарик и щелкнул кнопкой. Луч света тотчас вскрыл темноту. Тело, конечно, увезли, но остался призрак его присутствия. Полицейская лента дрожала в луче фонаря, а на сером бетоне темнело пятно, впитавшееся в поры грязного пола.

Следов борьбы почти не было. Ни перевернутой бочки, ни разметанной ветоши. Лишь у одной стены, в зоне, свободной от хлама, он заметил странные отметины. Царапины или скорее насечки — тонкие, глубокие, параллельные, точно кто-то провел по штукатурке лезвием или... когтями. Стасу сразу вспомнился старый фильм ужасов «Кошмар на улице Вязов».

— Кровь? — спросил Горский, присев у пятна, а Батьков тряхнул головой от нелепых ассоциаций о Фредди Крюгере и его перчатке.

— Мало. Слишком мало для колотых ран. Да и если брюхо вспороли, здесь все залито должно быть.

— Так и есть, товарищ майор, — подтвердил участковый, оставаясь у лестницы, словно боясь пересечь невидимую черту. — Прибыл я, значит, первым тогда. Он лежал... на боку, спиной к стене прижимаясь. Пузо распорото от яиц до ключицы, кишки наружу. И два колотых, как ножом, но тонким, чистые, аккуратные такие. Одно башку почти отрезало. По хребту, видать, прошлось. А крови вокруг... ну, стакан, не больше. Сколько тут, в этой луже, еще будет? Как будто ее высосали или... спустили в краник какой.

Добрыня встал, забрал фонарик у Станислава и начал медленно обследовать периметр, двигаясь против часовой стрелки. Движения, обычно такие разболтанные, сейчас были твердыми и решительными. Батьков наблюдал краем глаза.

«Надо же, нашел свою игру, пацан?» — удивленно хмыкнул он про себя.

Лейтенант замер у груды мусора в углу — обломков мебели, каких-то ржавых труб. Что-то блеснуло под лучом фонаря. Он наклонился, не прикасаясь, и осторожно отодвинул скомканный полиэтилен.

Там лежала маленькая ромашка. Пластиковая дешевая игрушка, какая бывает в киндерах или на заколках. Лепестки — грязно-розовые, серединка — ядовито-желтая. Один лепесток надломлен и торчал под углом. Горский сразу присел на корточки и застыл на мгновение, присматриваясь к ней. Потом достал из кармана перчатку, натянул на длинные пальцы и только тогда поднял находку.

— Участковый, а это что? Следователь районный видел? Какого хрена не изъято при осмотре?

Геннадий Петрович побледнел так, что заметно стало даже в полумраке.

— Да это... да нет... то есть, мы видели ее, конечно, но... думали, мусор. Тут ее и...

— Думали, — перебил Добрыня.

Он цокнул языком, держа ромашку двумя пальцами.

— На месте убийства лежит непонятная штука, а вы решили, что это мусор?

— Да тут этого мусора...

— Да плевать мне на мусор.

Он рассматривал надломленный лепесток, светя фонариком.

— Эта хрень могла выпасть из кармана убийцы. Или у жертвы. Могла лежать рядом с телом не просто так.

Следователь прищурился.

— Охренеть! Да на ней даже кровь вроде есть!

Он перевел взгляд на участкового.

— Где она лежала?

— Так, возле тела, кажись...

— То есть прямо под носом у вашей группы?

Карелин заерзал, глаза его забегали. Майор молча наблюдал за лейтенантом и был приятно удивлен, что тот может не только языком чесать, но и работать, как подобает. Значит, не совсем пропащий-то.

— Да мы... мы... этим делом лучший наш следователь занимался! Поливанов! Николай Семеныч. Он сказал — бытовуха! Ясно как день. Нечего тут мусор протоколировать. Да он такие дела раскапывал! Тридцать лет почти...

— Значит, Поливанов, — протянул Батьков. — И где сейчас этот опытный следователь, пропустивший возможную улику?

— Да я... не знаю точно. В отпуск, что ли, укатил. После этого дела. Ну, вчера вроде рапорт написал. В отделе сегодня шептались. Сказал — нервы шалят. Наши еще возмутились, что в июне был, а тут опять...

В подвале стало тихо. Горский покачал головой и бережно завернул ромашку в один из чистых бумажных пакетов, которые почему-то всегда носил с собой. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Мне нужно позвонить, — достал телефон Станислав. — Надо, чтобы криминалист посмотрела здесь все, пробы взяла. Мало ли, что еще тут за мусор посчитали.

— Да наш Иваныч осматривал уже! — выпучил глаза Геннадий Петрович. — Ничего интересного не нашел!

— Морозова найдет, — невозмутимо ответил майор.

Добрыня резко поднял голову и тут же натянул привычную ухмылку.

— Наталья Альбертовна? О, так мы тут всей компанией соберемся... И можно будет сразу обвинительное писать. Она ж убийцу по одной пылинке вычислит!

Шутка прозвучала глупой и застряла в сыром воздухе. Батьков разочарованно взглянул на него. Горский осекся, потупился и нервно поправил манжет ветровки. Участковый растерянно переводил взгляд с майора на лейтенанта и обратно, словно пытаясь понять правила игры, в которую его насильно втянули.

Станислав набрал номер и поднес трубку к уху. Гудки прозвучали слишком громко в тишине подвала.

— Товарищ полковник? Батьков. Нужен выезд Натальи Альбертовны. Да. На Заводскую. Здесь... другой запах. Сладкий, на миндаль похож. И есть находка. Да, пусть запросит отчет с первичного осмотра у...

Он вопросительно взглянул на Карелина. Тот встрепенулся и выпалил.

— Сергей Иваныч! Сычев.

— У Сычева Сергея Ивановича. И еще. Нам нужно найти следователя Поливанова. Николая Ивановича, кажется?

— Семеныча! — поправил участковый.

— Поливанов Николай Семенович. Да. Доложу.

Он положил трубку. Взгляд упал на темное пятно на полу. Два дела. Два разных запаха. Все здесь было странным. И настойчивое ощущение, что это только начало.

Расстегнув куртку, он потянулся за блокнотом во внутреннем кармане. Пальцы нашли там и ручку. Холодный пластик. Контроль. Порядок. В мыслях уже звучал новый вопрос: «А что, если Поливанов не просто в отпуске? Что если он что-то понял и сбежал?»

— Камера. Вы сказали, запись с камеры была. Она внешняя? — опомнился вдруг Горский.

— Какая нафиг внешняя! — участковый махнул рукой, показывая вглубь подвала, в самый темный угол, где из потолочной балки торчал обрывок провода. — Она тут была, в самом подвале. Старая, еще с девяностых. Для вида оставили, чтоб бомжи особо не шарились. Давно не работала, то ли проводка гнилая, то ли... А тут вдруг включилась. Сама. Как раз в ту ночь.

Батьков медленно повернулся к указанному месту. Луч фонаря выхватил из мрака пустой свешивающийся кронштейн. Провод был оборван, дернули явно с силой.

— Где кассета сейчас?

— Да, Поливанов отдал ее на просмотр нашему технарю, Андреичу. Сидорову, значит. Тот ее оцифровал. А потом... потом в участок приехал один тип. Не местный. В гражданском, но по нему сразу видно — свой, из системы. Прямо к Поливанову. Попросил диск. Николай Семеныч сразу сдулся аж и отдал. А тот посмотрел у него в кабинете на ноуте, пару минут, не больше. И все. Спросил только...

— Что?

— Спросил: «Ты это показывал еще кому?» Поливанов сказал — нет, только Сидорову. Тип кивнул, положил диск в карман и ушел. А на следующий день, вчера то есть, Поливанов написал рапорт на отпуск. А сегодня с утра сверху звонок: срочно Волковой дело передать!

— Погоди... А ты в почете у Поливанова что ли? — с подозрительной улыбкой произнес Добрыня, растягивая слова. — Чего это он с тобой записи рассматривает? В отделе шляешься, типов странных подмечаешь...

— Да я... я... — от волнения начал заикаться Геннадий Петрович.

— Зачем вы были в кабинете Поливанова?

Участковый замялся, потупился, а потом махнул рукой, сдаваясь.

— Да я... я тогда потерпевшего по другому делу вел — старушку, у которой пенсию вытащили. Кабинет-то у Поливанова рядом с дежуркой, стены тонкие, дверь приоткрыта. Я старушку в коридоре на лавочку усадил, воду ей принести пошел, а у них как раз... ну, голоса. Слышно было.

Он замолчал, вспоминая.

— Голос у того типа был тихий, но... ухо резал. Я мимо проходил. Посмотрел мельком — сидит наш Семеныч, бледный, а напротив — незнакомец. В гражданском, но осанка, выправка... ну, вы поняли. Шрам над бровью. Я сразу дальше прошел. Не в свое дело лезть, ну его. Но когда возвращался с водой, тот как раз выходил. Зыркнул так на меня, бррр! Глаза... пустые. Совсем. Как у рыбы. И сказал уже Поливанову на прощанье: «Ты это показывал еще кому?» Тот, мол, нет. И ушел. Я в кабинет сразу — про воду и забыл. А Семеныч сидит, руки дрожат. Я и спрашиваю: «Колян, ты чего? Кто это такой?» А он мне: «Уходи, Геныч, не до тебя. И забудь. Забудь, что видел. И никому не говори, особенно про камеру». Ну, я и ушел. А вчера он отпуск взял. И все. Я и расспросить-то толком ничего не успел, сегодня хотел.

— Вы помните точное время, когда тот тип приходил? — спросил Горский, уже дружелюбно.

— Как же... в районе четырех.

— И вы не слышали, как этого типа звали? Ни обращения, ни имени?

— Нет. Но... — участковый задумался. — Поливанов, когда тот ушел, пробормотал что-то себе под нос. Вроде... «Вот черт, архиву-то на хрена...»

— Какой еще архив?

— Да почему мне знать-то?! Я вообще решил, что послышалось!

— А чего все это время молчал тогда?

— Да я думал, ерунда...

— Ерунда... А что было-то на записи?

— Да ничего почти! — взмолился Карелин. — Я сам смотрел. Камера рывками включалась, картинка полосатая. Тело уже лежало. Все. Тишина. Только...

— Только что?

— Лужа как будто шевелилась. И что-то... светилось в ней. Андреич сказал — брак записи, глюк старой матрицы. Старье же! Ну я и поверил.

Батьков закрыл глаза на секунду. Перед ним встал образ: темный подвал, полосатое изображение, мертвое тело. И шевелящаяся лужа с бликом.

— Ладно, — сказал он следователю. — С записью разберемся. Пошли.

— Добрыня, — обратился Стас к задумчивому лейтенанту, сидя уже в машине. — Надо найти по пропавшим... Нет, надо поднять все дела, где фигурировал... предмет. Любой, оставленный на месте.

— Понял. Слушай, Батя, что за тип-то? Как думаешь?

— Не знаю. У Волковой надо спросить.

— Ну да-а... она скажет, как же!

— Лейтенант!

— Все-все. Уже заткнулся.

Майор покачал головой и уставился на серый корпус завода.

— Куда мы сейчас? В отдел? — протянул Горский, зевая.

— Да. Надо доложить обо всем.

— А как же «русалка»? Может, сгоняем на Речной? Гену Железняк поищем. Вдруг он?

— Никуда он не денется. Сначала к полковнику. Потом решим.

Волкова стояла у балконной двери спиной и смотрела в серую мглу, где угадывались очертания города. В протянутой руке, опиравшейся на подоконник, дымилась неизменная ментоловая сигарета, пепел которой вот-вот готов был упасть. Стас часто задумывался, откуда она их берет? Теперь «Салем» днем с огнем не найдешь, а у нее они никогда не заканчиваются. При том дымит она так часто, что голос давно приобрел характерную хрипловатость. На столе рядом с вечно улыбающимся котом на кружке стоял пустой стакан с каплей темного чая на дне.

— Закрой. Чтобы без свидетелей.

Майор подчинился.

— Докладывай.

И он начал свой доклад. Подвал. Отметины на стене. Лужа крови. Пластиковая ромашка. Участковый Карелин. Отпуск Поливанова. Запись с камеры. Слово «архив» и тип со шрамом.

— Значит, архивариусы... — она сделала глубокую, долгую затяжку, будто пытаясь выкурить из себя что-то. — И уже здесь. Быстрее, чем я думала. Плохо.

— Кто они, товарищ полковник? И кто этот тип со шрамом?

Варвара Николаевна сначала не ответила, прошла к столу и с размаху придавила сигарету в пепельнице, раздавив окурок с такой силой, словно сжимала чью-то глотку.

— Тот тип... Не спрашивай, откуда он. Важнее, кого он боится. Потому что, если он появился здесь лично... Хреново это, в общем.

— Что за... — начал было майор, но тут же замолк, понимая, что нарушает сейчас субординацию.

— Он из Главка. Архивный отдел. Приезжают, когда всплывают дела, которые должны оставаться в пыли. Теперь понял?

Станислав стоял, не двигаясь.

— Почему это дело так важно? Почему именно сейчас?

— Потому что... да хрен знает, почему!

Она потянулась к термосу, налила в свою кружку чифира. Густой едкий пар поднялся к потолку.

— Морозова уже выехала. Да, я направила запрос начальнику ЭКЦ еще до твоего звонка. Он сразу распорядился, — Волкова отхлебнула и поморщилась. — И да, она знает, что искать.

Батьков чувствовал, как почва уходит из-под ног. Он привык к фактам, уликам, логическим цепочкам. Здесь же ему предлагали что-то непонятное. И главное, кто? Непробиваемый полковник МВД! Его «железная» тетка, в твердости духа которой, даже отец, казалось, уступал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.